

Михаиль Евсевіевичъ Головинъ.

В. Бобынинъ. Москва.

Въ кругъ непосредственныхъ занятій перваго русскаго ученаго, Михаила Васильевича Ломоносова, математика не входила.

Онъ, поэтому, не оставилъ послѣ себя никакихъ трудовъ по ея предмету и тѣмъ лишилъ исторію русской математики прямого повода къ участию въ чествованіи истекшаго 8 ноября 1911 года двухсотлѣтія дня его рожденія. Чтобы воздать должное памяти замѣчательнаго русскаго человѣка, исторіи русской математики въ виду отсутствія прямого повода не остается ничего другого, какъ воспользоваться косвеннымъ, представляемымъ жизнью и дѣятельностью близкаго Ломоносову человѣка, слѣдовавшаго, можетъ быть, его завѣтамъ и указаніямъ и затѣмъ, благодаря имъ, сдѣлавшагося однимъ изъ первыхъ видныхъ работниковъ въ дѣлѣ укрѣпленія и развитія преподаванія математическихъ наукъ въ Россіи.

Ученая дѣятельность Головина, какъ и всѣхъ другихъ русскихъ адъюнктовъ и профессоровъ Академіи Наукъ XVIII вѣка, представляетъ и значительный самостоятельный интересъ. Изученіе ея даетъ, дѣйствительно, цѣнные матеріалы для исторіи развитія физико-математическихъ наукъ въ Россіи. Оно же вводитъ изслѣдователя и въ одну изъ тѣхъ еще очень мало изученныхъ эпохъ развитія науки въ человѣчествѣ, въ которыя подъ непосредственнымъ воздѣйствіемъ науки въ настоящемъ смыслѣ этого слова совершался переходъ въ научный періодъ отдѣльныхъ племенъ и народовъ съ достигнутыхъ уже ими болѣе или менѣе высокихъ ступеней донаучнаго періода. Успѣвшими уже обрисоваться передъ новѣйшею наукою эпохами этого перехода являются VII—V вѣка въ Древней Греціи; все, хотя и недостижее въ указанномъ направленіи желаемаго конечнаго результата, многовѣковое существованіе древняго Рима; Средніе Вѣка въ Западной Европѣ и, наконецъ, все XVIII и часть XIX столѣтія въ Россіи. Чѣмъ ближе каждая изъ этихъ эпохъ къ новѣйшему времени, тѣмъ болѣе, по легко понятнымъ причинамъ, она способна дать матеріаловъ для изученія явленій разсматриваемаго перехода, а также и для открытія черезъ ихъ сопоставленіе между собою управляющихъ тѣмъ же переходомъ общихъ законовъ. Въ этомъ и состоитъ главное значеніе для общей исторіи наукъ физико-математическихъ такихъ изученій, какъ предлагаемый этюдъ о Головинѣ.

Родившійся въ 1756 году, М. Е. Головинъ былъ сыномъ сестры М. В. Ломоносова, Марьи Васильевны, вышедшей замужъ за крестьянина села Матигоръ Архангельской губерніи, Евсевія Леонтьевича Головина. Въ началѣ 1765 года мальчикъ былъ помѣщенъ своимъ знаменитымъ дядею въ число, какъ тогда выражались, „учениковъ Академіи“ (élèves de l'Académie), то есть въ Академическую Гимназію, по выходѣ изъ которой онъ сдѣлался студентомъ по предмету математики Академическаго Университета и, какъ таковой, ученикомъ знаменитаго Леонарда Эйлера, бывшаго, какъ и другіе академики, профессоромъ этого Университета.

Не смотря на непродолжительность времени, въ теченіе котораго Головинъ слушалъ лекціи своего великаго учителя, успѣхи его въ изученіи математики были на столько значительными, что

Эйлеръ нашель возможнымъ начать хлопоты о возведеніи Головина въ адъюнкты Академіи Наукъ уже съ конца 1774 года. Не будучи, по нездоровью, въ состояніи лично прибыть въ засѣданіе Академіи 31 октября 1774 года, Эйлеръ прислалъ туда два свои мемуара вмѣстѣ съ заявленіемъ, что одинъ изъ нихъ, именно имѣющій заглавіемъ „De oscillationibus minimis funis libéré suspensi“ написанъ студентомъ Головинымъ. При этомъ онъ поручилъ сообщить Академіи въ похвалу своему молодому сотруднику, что этотъ послѣдній вполне хорошо понялъ и усвоилъ соответствующую часть математики, которая къ тому же далеко не является принадлежащею къ числу менѣе трудныхъ. Конференція Академіи можетъ поэтому судить какъ значительны успѣхи, сдѣланные студентомъ Головинымъ въ теченіе того малаго промежутка времени, съ начала котораго онъ сталъ посѣщать лекціи профессора Эйлера.

Приведенныя заявленія не были однако первымъ шагомъ, сдѣланнымъ Эйлеромъ въ направленіи къ достиженію намѣченной цѣли. Еще ранѣе, именно, 13 сентября, онъ представилъ директору Академіи графу Владиміру Орлову письмо, въ которомъ, воздавъ справедливую хвалу прилежанію своихъ двухъ учениковъ, Фусса*) и Головина, и давъ отчетъ объ ихъ быстрыхъ успѣхахъ въ математикѣ, онъ просилъ о приглашеніи на академическую службу перваго и о поощреніи втораго, какъ состоящаго уже на этой службѣ, увеличеніемъ получаемаго имъ до сихъ поръ очень малаго содержанія. Препроводивъ это письмо въ засѣданіе Конференціи Академіи Наукъ, происходившее 1-го декабря того-же 1774 года, Орловъ выразилъ желаніе, чтобы она высказала свое мнѣніе по предмету этого письма. Предложенія Эйлера были приняты единогласно всѣми академиками. Нѣкоторые, а именно Лексель, Крафтъ и Эйлеръ—сынъ, бывшій Непремѣннымъ Секретаремъ Академіи, пошли даже далѣе. Они подали голоса за присужденіе Академіей и Фуссу и Головину званія адъюнкта. Къ нимъ присоединился въ своемъ письменномъ мнѣніи и академикъ Румовскій, но съ указаніемъ нѣкоторыхъ препятствій, ставимыхъ въ настоящемъ случаѣ уставомъ Академіи. Въ отношеніи Головина этимъ препятствіемъ была его принадлежность къ податному сословію, что могло быть устранено предварительнымъ увольненіемъ изъ этого сословія. Вызванный въ средѣ академиковъ указаніями Румовскаго обмѣнъ мнѣній окончился заявленіемъ Эйлера, въ которомъ онъ выразилъ, что хотя Головинъ еще и не такъ подвинутъ въ математикѣ, какъ Фуссъ, но тѣмъ не менѣе все-таки можно посоветовать смотрѣть на того и на другаго, какъ на занимающихъ одну и ту же степень, и вслѣдствіе этого возвестъ ихъ обоихъ въ званіе адъюнктовъ Академіи. Въ случаѣ же если такое повышеніе покажется слишкомъ поспѣшнымъ, то пусть Начальникъ Академіи назначить имъ для начала содержаніе, меньшее получаемаго обыкновенно адъюнктомъ, и тѣмъ создастъ для нихъ какъ бы среднее положеніе между студентомъ и адъюнктомъ.

-

*) Николай Фуссъ, впоследствии извѣстный математикъ, женившійся на внучкѣ Эйлера и сдѣлавшійся его біографомъ.

Не смотря на старанія Эйлера, поднятое имъ дѣло достигло желаемого конца не прежде начала 1776 года. Причиною задержки было, повидимому, впервые примѣненное въ настоящемъ случаѣ требованіе отъ претендентовъ на званіе адъюнкта предварительнаго представленія мемуара по избираемой спеціальности. Только послѣ доставленія академиками въ Конференцію рапортовъ о мемуарахъ Фусса и Головина эти послѣдніе были объявлены Директоромъ Академіи въ засѣданіи 15 января избранными въ адъюнкты по предметамъ первый математики, а второй опытной физики.

Мемуаромъ, представленнымъ въ исполненіе упомянутого требованія Головинымъ въ засѣданіи Академіи 8 января черезъ посредство академика Краффта, былъ написанный на латинскомъ языкѣ „Specimen dilucidationum quarundam ad illustrissimi Euleri tractatum Sur la construction et la manoeuvre des vaisseaux“. Въ томъ же засѣданіи этотъ мемуаръ былъ переданъ для разсмотрѣнія и представленія о немъ рапорта академикамъ математическаго класса.

22 января 1776 года Головинъ впервые присутствовалъ въ засѣданіи Конференціи Академіи, какъ ея членъ, хотя и младшій. При этомъ имъ была произнесена на русскомъ языкѣ вступительная рѣчь, на которую въ заключеніе засѣданія Непремѣнный Секретарь Академіи, старшій сынъ Леонарда Эйлера, Иоганнъ Альбертъ, отвѣчалъ привѣтствіемъ на французскомъ языкѣ.

Въ кругъ занятій Головина и Фусса математикою подъ руководствомъ Эйлера входило записываніе создаваемыхъ имъ новыхъ мемуаровъ съ его словъ и сдѣланныхъ имъ предварительно мѣломъ на черномъ столѣ выкладокъ, а иногда и прямо подъ его диктовку. Пользоваться такимъ неудобнымъ способомъ работы вынудила Эйлера начавшаяся съ 1766 года болѣзнь глазъ, вслѣдствіе которой для него сдѣлалось невозможнымъ узнавать приходящихъ, читать и писать чернымъ по бѣлому. Онъ оказывался только въ состояніи, какъ сказано, писать мѣломъ на черномъ столѣ математическія вычисленія, хотя и ясно, въ правильномъ порядкѣ и въ обыкновенную величину. Написанными Головинымъ мемуарами Эйлера, кромѣ упомянутого уже выше, были: „De trajectu citissimo stellae per duos circulos Almicantharath datos pro qualibet elevatione poli“*) и „De vi fluminis ad naves sursum trahendas applicanda“**).

Другой родъ работъ Головина во время его непродолжительнаго студенчества составляли переводы. Изъ нихъ неотносящимся къ математикѣ былъ переводъ Теренціевой комедіи „Евнухъ“, напечатанный въ 1773—1774 гг. въ С.-Петербургѣ вмѣстѣ съ другими произведеніями того же автора, переводъ которыхъ являлся уже результатомъ совмѣстной работы Головина и А. С. Хвостова.

Сочиненіемъ математическаго характера, переводомъ котораго занимался Головинъ въ разсматриваемую пору своей дѣятельности, была книга Леонарда Эйлера *Théorie complete de la construction et de la manoeuvre des vaisseaux mise à la portée de ceux qui s'appliquent à la navigation* (Спб. 1773, XII-{354 pp. in—8°. Съ 11 таблицами). Къ ней Головинъ обратился не по приказанію Академіи, какъ это обыкновенно случалось съ находящимися при ней переводчиками, а по собственному почину, который явился слѣдствіемъ соображеній и обстоятельствъ, изложенныхъ частью въ „Предисловіи къ читателю“ переводчика, частью въ его-же

*) *Novi. Commentarii Academiae scientiarum Imperialis Petropolitanae*, XX, p. 503—508.

***) *Acta Academiae scientiarum Imperialis Petropolitanae Pro anno 1780. Pars I. P. 119—131.*

„Посвященіи“ перевода Директору Академіи Наукъ“ С. Г. Домашневу. Въ первомъ онъ говорилъ: „въ ней (книгъ Эйлера) Теорія Навигаціи показана столь ясно и вразумительно, что имѣющіе охоту обучаться сей наукъ получаютъ желаемое съ малымъ трудомъ и съ большимъ основаніемъ и совершенствомъ, нежели въ другой какой книгъ. Сего для перевелъ я ее на Русской языкъ, надѣясь показать тѣмъ нѣкую услугу нашимъ мореплавателями“. Изъ „Посвященія“ достаточно привести какъ относящееся къ тому же предмету слѣдующее мѣсто. „Всѣ причины, побудившія меня къ преложенію на нашъ языкъ столь отмѣнно полезнаго сочиненія, какого есть умозрѣніе Строенія кораблей, суть тѣ же самыя, кои обязываютъ меня посвятить оное Вашему Превосходительству: попеченіе Ваше о ввѣренной вамъ части, коей я удостоенъ Вашимъ одобреніемъ быть членомъ, наставленія Ваши непосредственно мнѣ преподаваемые, и что болѣе всего, непосредственное Ваше испытаніе важности и пользы морской службы, коей сами были Ваше Превосходительство и свидѣтели и соучастники“.

Сочиненіе Эйлера состояло изъ трехъ частей, заглавія которыхъ въ переводѣ Головина были слѣдующія: „Часть I. О равновѣсіи кораблей на одномъ мѣстѣ стоящихъ. Часть II. О сопротивленіи, которому плывущіе по водѣ корабли подвергаются, и о дѣйстви руля. Часть III. Объ оснасткѣ и вожденіи кораблей“. Переводъ первой части былъ представленъ Академіи Наукъ въ засѣданіи 3 іюля 1775 года академикомъ Крафтомъ. По состоявшемуся въ томъ же засѣданіи постановленію Академіи разсмотрѣніе этого труда и представленіе о немъ въ одномъ изъ слѣдующихъ засѣданій рапорта были возложены на академикомъ Котельникова и Румовскаго. Исполнилъ это порученіе, повидимому, только одинъ Румовскій, доложившій Академіи въ засѣданіи 14 августа, что переводъ удачный и потому вполнѣ заслуживаетъ быть напечатаннымъ на счетъ Академіи. Чтобы побудить переводчика къ окончанію своего труда, Академія, согласно съ заключеніемъ Румовскаго, постановила теперь же приступить къ печатанію доставленной ей части перевода. Ожиданія Академіи сбылись и въ засѣданіи 15 января 1776 года Непремѣнный Секретарь представилъ ей остальные двѣ части перевода Головина вполнѣ законченными, при чемъ обратилъ ея вниманіе на присоединенныя отъ себя переводчикомъ примѣчанія, посвященныя подробному развитію вычисленій, изъ которыхъ у автора были приведены только одни конечные результаты. Самъ Головинъ по поводу этихъ примѣчаній въ вышеупомянутомъ своемъ предисловіи говорилъ: „при концѣ сея книги приложилъ я нѣкоторыя примѣчанія, въ коихъ изяснилъ такія мѣста, которыхъ дальнѣйшее изслѣдованіе полезно и нужно казалось для читателей: при томъ показалъ, какимъ образомъ находить должно формулы, въ семъ сочиненіи попадающіяся; а на конецъ присовокупилъ новыя приращенія, учеными по напечатаніи самаго подлинника учиненныя, дабы читатели имѣли всѣ нужныя средства для совершеннаго уразумѣнія сея книги“. Объемъ указываемой въ этихъ словахъ принадлежащей самому Головину части его труда слѣдующій: Примѣчанія на часть первую стр. 373—394, на часть вторую стр. 394—417, на часть третію стр. 418—429; прибавленіе стр. 429—434.

Къ печатанію труда Головина приступили по распоряженію Академіи немедленно послѣ представленія послѣднихъ его частей. Вышелъ онъ въ свѣтъ въ 1778 году подъ заглавіемъ „Полное умозрѣніе строенія и вожденія кораблей, сочиненное въ

пользу учащихся навигации Леонардом Эйлером, а с французского подлинника переведенное Академии Наук Адъюнктом Михаилом Головиным” (8°, XII+434 стр. и 23 листа чертежей). От этого труда Головина произошел и его вышеупомянутый представленный им для получения звания адъюнкта мемуар, как это можно видеть уже из заглавия последнего.

Из родов деятельности, входящих в круг обязанностей адъюнкта Академии, первым, к которому был привлечен Головин после своего возведения в это звание, явилось участие в трудах комиссий, назначаемых для рассмотрения и оценки представляемых на суд Академии изобретений и технических проектов.

Капитан при Сухопутном Шляхетном Кадетском Корпусе де Рибас получил возможность лично показать Императрице модель проектируемого им деревянного моста через Большую Неву между Адмиралтейством и Сенатом. По состоявшемуся затем в феврале 1776 года Высочайшему повелению рассмотрение этой модели было возложено на Академию Наук, директор которой, Домашнев, образовал для этого Комиссию, в состав которой им были назначены в заседании 22 февраля академики: Эйлер, Котельников, Эйлер—сын и Румовский и адъюнкты: Фусс и Головин. Ввиду единства предмета на ту-же Комиссию было возложено также и рассмотрение чертежа, описания и вычислений, относящихся к проекту другого моста, составленному механиком-художником Академии Наук, Кулибиным, обязавшимся окончить в непродолжительном времени и представить Академии изготовляемую им модель своего моста. Упомянутое, данное Кулибиным, описание его моста Головин должен был перевести на латинский язык и затем раздать экземпляры своего перевода всем другим членам Комиссии.

Рапорт об исследовании модели де Рибаса*) за подписями всех членов Комиссии был представлен в заседании Академии 4 марта 1776 года. Заключение, к которому пришла Комиссия в результате своих исследований, были отрицательными, в чем сошелся с нею и сам изобретатель, заявивший ей при начале исследования, что несоответствие полученных результатов ожиданиям заставило его заменить прежний план другим и приступить поэтому к устройству новой модели.

Своему закончившемуся составлением упомянутого рапорта исследованию Комиссия посвятила два заседания. Первое происходило 27 февраля 1776 года в Шляхетном Кадетском Корпусе, куда собрались все члены Комиссии для рассмотрения модели в месте ее нахождения и при участии самого изобретателя. Второе заседание, в котором обсуждались окончательно результаты исследования и был выработан самый рапорт, происходило 8 марта.

Исследование той-же Комиссией однородного изобретения механика Кулибина, то—есть проектируемого им деревянного с одной аркой моста через Неву, произведено, повидимому, не было. По крайней мере в протоколах заседаний Академии Наук не содержится по этому предмету никаких других сведений, кроме сообщения о том, что в заседании Конференции 18 апреля 1776 года „господин адъюнкт Головин передал сданный им немецкий перевод мемуара механика Кулибина о проектируемом им деревянном мосте с одной

*) Протоколы заседаний Конференции Императорской Академии Наук. Т. III. Стр. 230—232.

аркою черезъ Неву, модель котораго будетъ на дняхъ окончена. Секретарь взялъ у него этотъ переводъ, чтобы его прочесть и черезъ это получить возможность присоединить свое мнѣніе къ мнѣніямъ господъ другихъ членовъ Коммиссіи, которымъ поручено изслѣдованіе упомянутаго проекта“.

По изготовленіи де Рибасомъ его упомянутой уже выше второй модели моста, Академія вслѣдствіе приказанія Императрицы должна была назначить новую Коммиссію для изслѣдованія этой модели. Въ составъ этой Коммиссіи въ засѣданіи 11 ноября 1776 года были избраны, кромѣ членовъ прежней, еще академики Краффтъ и Лекселль. Такъ какъ при изслѣдованіи модели, происходившемъ 15 ноября въ Шляхетномъ Сухопутномъ Кадетскомъ Корпусѣ способъ ея испытанія, употребленный самимъ изобрѣтателемъ, былъ найденъ членами Коммиссіи недостаточнымъ и сомнительнымъ, то было рѣшено произвести новое изслѣдованіе по способамъ избраннымъ самою Коммиссіею. Посвященное этому изслѣдованію второе засѣданіе было назначено на 26 ноября; но состоялось-ли оно и къ какимъ привело результатамъ остается неизвѣстнымъ вслѣдствіе отсутствія въ „Протоколахъ засѣданій Конференціи“ всякихъ указаній по этимъ предметамъ. Какъ и въ случаѣ проекта Кулибина, если рапортъ и былъ составленъ, то въ печати онъ не появился. Въ этомъ нельзя не видѣть нѣкоторой странности, потому-что „рѣшительный и окончательный“ рапортъ вызывалъ большой интересъ между военными, какъ это можно видѣть изъ того, что передъ его составленіемъ фельдмаршалъ князь Голицынъ два раза обращался за нимъ въ Академію Наукъ. Болѣе удачнымъ, повидимому, чѣмъ предыдущіе, былъ проектъ деревяннаго моста черезъ Неву, принадлежащій часовщику Академіи Художествъ Нордштерну. Построенная по этому проекту модель была выставлена съ разрѣшенія директора Академіи Домашнева въ залъ засѣданій и затѣмъ представлена изобрѣтателемъ Конференціи въ засѣданіи 3 декабря 1778 года. По прочтеніи въ этомъ засѣданіи Непремѣннымъ Секретаремъ посланія Нордштерна, которымъ онъ подвергалъ свое изобрѣтеніе изслѣдованію и суду Академіи, была для исполненія его просьбы избрана Коммиссія, въ составъ которой вошли Котельниковъ, Румовскій, Краффтъ, Лекселль, Иноходцовъ, Фуссъ, Головинъ и Эйлеръ—сынъ, какъ Непремѣнный Секретарь Академіи. Коммиссія для исполненія своего назначенія рѣшила собраться 7 декабря въ 10 часовъ утра и пригласить при этомъ въ свою среду самого изобрѣтателя. На этотъ разъ изслѣдованіе модели и составленіе рапорта не потребовали болѣе одного засѣданія. Составленный въ очень благопріятномъ для изобрѣтателя духѣ, а въ отношеніи искусства построенія модели даже въ хвалебномъ, рапортъ былъ напечатанъ за подписью всѣхъ членовъ Коммиссіи въ Acta Academiae Scientiarum Imperialis Petropolitanae pro Anno 1778 (Pars posterior. Petropoli 1781. Histoire. P. 85—88) подъ заглавіемъ „Jugement de Messieurs les Commissaires nommés par l'Académie pour examiner le modèle d'un pont de bois à construire sur la Néva, présenté à l'Assemblée le 3 Décembre par. Mr. Nordstern, Horloger de l'Académie Impériale des Beaux Arts. Что же касается „Протоколовъ засѣданій Конференціи Академіи Наукъ“, то въ нихъ объ этомъ рапортѣ и объ его составленіи нѣтъ никакихъ свѣдѣній.

(Продолженіе въ слѣд. №.).

Михаиль Евсевіевичъ Головинъ.

В. Бобынинъ. Москва.

Въ засѣданіи 13 августа 1781 года академикъ Штелинь прочель и затѣмъ передалъ Конференці адресованное на его имя генераль-маіоромъ Безбородко письмо, при которомъ препровождались по повелѣнію Императрицы въ Академію для испытанія и отзыва изобрѣтенная придворнымъ часовщикомъ Робертомъ Гайнамомъ машина и ея описаніе, которое также было прочтено Штелиномъ въ нѣмецкомъ переводѣ. Назначеніе машины состояло въ опредѣленіи скорости звука и разстоянія, съ котораго онъ распространяется. Производство опытовъ надъ нею при непремѣнномъ условіи присутствія при нихъ изобрѣтателя Академія возложила на Коммиссію, въ составъ которой были избраны академикъ Краффтъ, адъюнкты Фуссъ и Головинъ и Непремѣнный Секретарь. О результатахъ работъ этой Коммиссіи извѣстно также мало и по тѣмъ же причинамъ, какъ и въ предыдущихъ случаяхъ. Только объ изобрѣтателѣ можно сказать, что онъ продолжалъ заниматься тѣмъ же предметомъ и послѣ. Такъ въ засѣданіи Академіи 25 августа 1783 года было заявлено, что придворный часовщикъ Тайнамъ просить позволенія представить въ публичномъ собраніи Академіи изобрѣтенный имъ инструментъ для производства новыхъ опытовъ надъ скоростью звука. По мнѣнію Конференці просьбу слѣдовало удовлетворить, а проф. Краффтъ предложилъ и тѣмъ взялъ на себя обязательство дать въ этомъ публичномъ собраніи отчетъ о механизмѣ и употребленіи инструмента Гайнама, а также и о томъ, что уже найдено о скорости звука и что еще остается сдѣлать по этому предмету, особенно въ отношеніи вліянія большихъ холодовъ на распространеніе звука.

Въ „Протоколахъ засѣданій Конференці Академіи“ не содержится никакихъ свѣдѣній о томъ, продолжали ли Головинъ и Фуссъ, заниматься составленіемъ мемуаровъ Эйлера, послѣ того какъ сдѣлались адъюнктами. Опредѣленнымъ образомъ сообщается въ „Протоколахъ“ только о представленіи, а иногда и о чтеніи, въ засѣданіяхъ Академіи Головинымъ или Фуссомъ по порученію Эйлера его мемуаровъ. Однимъ Головинымъ были представлены Академіи съ 24 апрѣля 1776 по 20 марта 1780 года 78 мемуаровъ Эйлера. Изъ нихъ въ засѣданіяхъ Академіи имъ были прочитаны 29. Между этими послѣдними 13 принадлежали чистой математикѣ и 16 прикладной. Превосходство второго числа надъ первымъ обнаруживаетъ, какъ, впрочемъ, и вся ученая дѣятельность Головина, большее по сравненію съ чистою математикою тяготѣніе его къ прикладной. Засѣданіе 4 ноября 1779 года было послѣднимъ, въ которомъ Головинъ выступалъ передъ Академіей съ чтеніемъ мемуаровъ Эйлера. Что же касается Фусса, то онъ продолжалъ ихъ представленіе Академіи почти до дня смерти автора. Послѣдній мемуаръ онъ прочель именно 14 августа 1783 г. Можно, поэтому, думать, что въ отношеніяхъ между Головинымъ и Эйлеромъ съ 1780 года произошла какая-то перемѣна.

Учено-литературная дѣятельность Головина въ то время, когда онъ состоялъ въ числѣ активныхъ членовъ Академіи Наукъ, слагалась, во-первыхъ, изъ занятій переводами, во-вторыхъ, изъ сочиненія оригинальныхъ произведеній и, въ-третьихъ, изъ составленія и редактированія главнаго или „большаго“ изъ

издаваемыхъ Академіею на русскомъ и частью на нѣмецкомъ языкахъ многихъ календарей.

За единственнымъ исключеніемъ всѣ переводы Головина во время его адъюнктства были сдѣланы имъ не по собственному почину, а по предложенію начальства. Число ихъ, если не считать упомянутыхъ уже выше вызванныхъ участіемъ Головина въ комиссіяхъ по разсмотрѣнію и оцѣнкѣ представляемыхъ въ Академію изобрѣтеній, равнялось четыремъ или даже пяти. Изъ нихъ на первомъ мѣстѣ по своему значенію цѣннаго вклада въ возникающую русскую ученую литературу долженъ быть поставленъ порученный Головину по приказанію Директора Академіи Домашнева въ засѣданіи 21 августа 1780 года переводъ на русскій языкъ сочиненія, увѣнчаннаго отъ Академіи назначенною на этотъ годъ преміею.

Темою, предложенною для соисканія упомянутой преміи, была слѣдующая: *Quelle est la nature et le caractère des sons des voyelles, si essentiellement différens entr'eux? Si l'on ne pourrait pas construire des instrumens semblables aux tuyaux de ce jeu d'Anche connu sous le nom de voix humaine, qui imitassent parfaitement les différentes voyelles a, e, i, o, u, moyennant quelques changemens apportés à la figure du tuyau, du noyau, de l'échalotie, ou de quelque autre partie essentielle, qui influe sur le genre et la qualité du son, et donne au jeu mentionné cette harmonie si agréable et si différente de celle des autres jeux?* Послѣ объявленія въ заключеніе публичнаго собранія Академіи Наукъ 18 октября 1777 года Непремѣннымъ Секретаремъ этой темы вмѣстѣ съ относящимися къ ней разъясненіями она была напечатана въ № 86 отъ 27 октября издаваемой Академіею газеты *St. Petersburgische Zeitung* и въ *Actis Academiae* (1777, pars posterior, p. IX—X). Премія состояла изъ золотой медали, цѣною въ 100 дукатовъ. Сочиненія, составляющія отвѣты на предложенную для ея соисканія тему, могли быть написаны на латинскомъ, русскомъ, французскомъ или нѣмецкомъ языкахъ. Крайнимъ срокомъ ихъ представленія Академіи было назначено 31 декабря 1779 года.

Отвѣтомъ на призывъ Академіи было доставленіе ей двухъ работъ по предмету предложенной темы. Изъ нихъ представленною ранѣе, именно въ засѣданіи 9 декабря 1779 года, была принадлежащая очень искусному петербургскому мастеру музыкальныхъ инструментовъ Киршнику. Она состояла изъ запертаго и запечатаннаго ящика, содержащаго въ себѣ органныя трубы, которыя при посредствѣ мѣха и расположенныхъ снаружи клавишей издавали звуки, подобные пяти гласнымъ буквамъ человѣческаго голоса. Хотя академики нашли, что доставляемое инструментомъ выраженіе гласныхъ буквъ, и въ особенности *i*, *a*, *e*, не на столько отчетливо, на сколько этого можно было бы желать, они однако постановили отдать остроумный инструментъ на храненіе въ академическій архивъ до дня того публичнаго засѣданія, въ которомъ состоится присужденіе преміи. Второю изъ двухъ упомянутыхъ работъ былъ представленный Академіи въ засѣданіи 23 декабря 1779 года мемуаръ о природѣ гласныхъ буквъ подъ девизомъ *Plus ultra* и заглавіемъ „*Dissertatio de generi et artificiali imitatione vocalium*“ съ присоединеніемъ запечатаннаго пакета и устроеннаго авторомъ органчика, произносящаго гласныя буквы. Произведенное въ засѣданіи 24 августа 1780 года сравненіе этого послѣдняго съ инструментомъ Киршника сдѣлало несомнѣннымъ его значительное превосходство въ отношеніи отчетливости произношенія. Академіи въ виду этого, а также и достоинствъ самаго мемуара, не

осталось ничего другого, как присудить автору искомую им премию в полном размере. Что же касается инструмента Киршника, то ему, как вполне заслуживающему почетного отзыва, были присуждены второстепенная награда и академическая серебряная медаль. После окончательного утверждения всех этих решений в заседании 11 сентября 1780 года директор Академии вскрыл запечатанный пакет и провозгласил имя автора труда, увенчанного премией. Этим автором оказался профессор опытной физики в Копенгагенском Университете Христиан Готтлиб Кратценштейн. В последовавшем затем публичном заседании Академии 19 сентября 1780 года все изложенные результаты конкурса на премию 1780 года были объявлены во всеобщее сведение, при чем присутствующие слышали также и игру обоих представленных на конкурс инструментов.

Мемуар Кратценштейна, как увенчанный премией, был напечатан Академией Наук отдельным изданием, вышедшим в Петербург в следующем 1781 году под заглавием „Tentamen resolvendi problema ab Academia scientiarum Imperiali Petropolitana ad annum 1780 publice propositum: 1) Qualis sit natura et character sonorum litterarum vocalium a, e, i, o, u, tarn insigniter inter se diversorum. 2) An non construi queant instrumenta ordini tuborum organicorum, sub termino vocis humanae noto, similia, quae litterarum vocalium a, e, i, o, u, sonos expriment. In publico Academiae conventu die XIX septembris MDCCLXXX praemio coronatum (4°; 47 стр., и 2 таблицы чертежей). Упомянутый уже выше русский перевод этого сочинения был напечатан в части VI (месяц октябрь) выходящего при Академии Наук периодического издания на русском языке, полное заглавие которого следующее: „Академическія Извѣстія на 1780 годъ. Содержащія въ себѣ Исторію наукъ и новѣйшія открытія оныхъ; извлеченія изъ дѣяній славнѣйшихъ Академій въ Европѣ; примѣчанія Физическія и изъ Естественной Исторіи, особенно до Россіи касающіяся; новыя изобрѣтенія, опыты въ Естественной Исторіи, Химіи, Физикѣ, Механикѣ и въ относящихся къ онымъ художествахъ; отличнѣйшія произведенія въ письменахъ во всей Европѣ; Академическія задачи; любопытныя и странныя тяжбы и другія примѣчанія достойныя происшествія“. Полное заглавие перевода было следующее: „Опытъ рѣшенія предложенной въ публичномъ собраніи на 1780 годъ отъ Санктпетербургской Императорской Академіи Наукъ слѣдующей задачи: I. Какое свойство и характеръ столь различныхъ между собою въ разсужденіи выговора гласныхъ буквъ а, е, і, о, и. II. Не можно ли сдѣлать орудія органическимъ трубамъ извѣстнымъ подъ именемъ человеческого голоса подобныя, кои бы произносили гласныя буквы а, е, і, о, и. Часть I. О произхожденіи гласныхъ буквъ. Часть II. О дѣланіи дудокъ, произносящихъ гласныя буквы а, е, і, о, и. Сочиненіе Краценштейна. Переведено Адъюнктомъ Михаиломъ Головинымъ. Съ двумя таблицами, содержащими 14 чертежей“.

Самым крупным по своим размерам из всех переводов Головина во время его адъюнкта был порученный ему от имени Академии ее директором Домашневым перевод сочинения знаменитого французского астронома де ла Ланда *Abrégé de l'Astronomie*^{*}). Изложенная в Предисловии автора цель сочинения

^{*}) Paris 1774; 8°; многократно выходило новыми изданиями и переводилось на разные иностранные языки.

состояла въ передачѣ Головина въ слѣдующемъ: „Астрономія изданная мною въ 1764 году въ двухъ, а въ 1771 году въ трехъ томахъ въ четвертку назначена была не только для начинающихъ учиться сей Наукѣ, но и для самыхъ Астрономовъ; тамъ описаны всѣ употребляемые Астрономами способы, открытія вновь учиненныя, наблюденія и употребительныя выкладки и помѣщены исправныя Астрономическія таблицы. Но издавая сіе сочиненіе не зналъ я, что большая часть любителей Астрономіи найдутъ оное весьма пространнымъ и неудобнымъ къ употребленію при слушаніи Наукъ въ университетахъ, по сему надлежало сдѣлать сокращеніе!“ Относительно изложенія предмета въ сочиненіи авторъ въ томъ же Предисловіи говоритъ: „Главное мое намѣреніе состояло въ томъ, что бы толкованія сдѣлать удобовразумительными. Я приводилъ себѣ на память тѣ трудности, кои мнѣ самому встрѣчались нѣкогда; я ихъ разбиралъ, разрѣшалъ и описывалъ со всякою подробностію и со всевозможною ясностію “. Цѣлью инициаторовъ перевода этого сочиненія на русскій языкъ было, слѣдовательно, доставленіе учебной книги по астрономіи для изучающихъ эту науку студентовъ русскихъ университетовъ, которыхъ было тогда два: состоящій при Академіи Наукъ и Московскій. Головинъ представилъ свой переводъ Академіи Наукъ въ засѣданіи 22-го октября 1781 года. Постановленіе объ его печатаніи состоялось тогда же и тѣмъ не менѣе появленіе книги въ свѣтъ заставило себя очень долго ждать. Главную причину этого едва ли не слѣдуетъ видѣть въ оставленіи Домашневымъ въ концѣ 1782 года должности директора Академіи Наукъ. Какъ бы то ни было, но переводъ Головина вышелъ въ свѣтъ только въ 1789 году цодъ заглавіемъ „Сокращеніе Астрономіи или Звѣздозаконія г. де ла Ланда, Королевскаго чтеца въ Маѳематикѣ, члена Академіи наукъ, Королевской, Парижской, Лондонской, Санктпетербургской, Стокгольмской, Бологнской и проч. и Королевскаго цензора. Съ Французскаго на Россійской языкъ преложилъ Михайло Головинъ, Надворный Совѣтникъ, Академіи Наукъ членъ и учительской Семинаріи Профессоръ. Въ Санктпетербургѣ, при Императорской Академіи Наукъ 1789 года (8°; 694 стр. и 16 таблицъ).

Послѣ окончанія печатанія этой книги Головинъ прислалъ съ приложеніемъ одного ея экземпляра въ Академію письмо, прочтенное въ засѣданіи Конференціи 30-го апрѣля 1789 года академикомъ Иноходцовымъ. Въ немъ Головинъ просилъ о назначеніи ему вознагражденія за переводъ. Принятою въ Конференціи формою просимаго вознагражденія была выдача просителю экземпляровъ его перевода въ числѣ, опредѣленіе котораго предоставлялось „щедрости“ директора Академіи княгини Дашковой. Эта „щедрость“ не пошла однако же далѣе назначенія 12 экземпляровъ, о чемъ и было объявлено въ засѣданіи 4-го мая.

Третьимъ по времени переводомъ былъ сдѣланный Головинымъ по порученію Конференціи переводъ съ нѣмецкаго языка на русскій написаннаго Непремѣннымъ Секретаремъ отъ лица всѣхъ академиковъ и адъюнктовъ отвѣта на обращенное къ нимъ письмо Генераль-Прокурора князя Вяземскаго отъ 14-го января 1782 года. Оно было вызвано поданнымъ Императрицѣ прошеніемъ Директора Академіи Домашнева по поводу академическихъ дѣлъ вообще и происшедшихъ между нимъ и членами Академіи несогласій и даже столкновений въ частности. Въ своихъ отношеніяхъ къ тѣмъ, и другимъ Головинъ не былъ на сторонѣ Директора, что слѣдуетъ какъ изъ его подписи подъ общимъ письмомъ, такъ и изъ приложеннаго имъ къ этому письму еще и своего отдѣльнаго мнѣнія, хотя и по предмету частнаго

характера, именно по затронутому Директоромъ въ его упомянутомъ прошеніи вопросу объ общей топографіи Россійской Имперіи.

Четвертымъ изъ переводовъ разсматриваемаго рода былъ порученный Головину въ іюнь 1783 года новымъ директоромъ Академіи княгиней Дашковой переводъ какого-то элементарнаго сочиненія. Свѣдѣній о предметѣ этого сочиненія не имѣется. Несомнѣнно только, что порученіе было спѣшное, такъ какъ его исполненіе не позволило Головину присутствовать на засѣданіи 12-го іюня 1783 года, на что онъ и указывалъ въ своемъ оправдательномъ по поводу этого отсутствія письмѣ въ Академію.

Также, повидимому, вслѣдствіе предложенія начальства, хотя по этому предмету и не имѣется прямыхъ указаній, были сдѣланы Головинымъ для помѣщенія въ календаряхъ, на 1779 годъ русскіе переводы 1) du Mémoire sur les diverses méthodes inventées jusqu'à présent pour garantir les édifices d'incendie, publié, à Bruxelles par Mr. Mann и 2) du Mémoire sur un Rouet à filer des deux mains à la fois, inventé par Mr. de Berniers, Ecuier. Представленные въ засѣданіи 21-го сентября 1778 года, они были переданы завѣдующему изданіемъ календарей профессору Протасову для помѣщенія въ печатаемыхъ на слѣдующій 1779 годъ. По характеру своего содержанія они нашли себѣ мѣсто въ „Мѣсяцословѣ съ наставленіями на 1779 годъ“, при чемъ второй изъ нихъ сопровождается двумя гравированными на мѣди рисунками имѣлъ заглавіемъ „Способъ прясть обѣими руками вдругъ“ (11 стр. 139—150)*).

Переводомъ, сдѣланнымъ Головинымъ во время его адъютантства по собственному почину, былъ, повидимому, только одинъ, именно представленный Академіи въ засѣданіи 8-го января 1781 года переводъ на русскій языкъ первыхъ шести главъ трактующаго о кривыхъ линіяхъ второго тома сочиненія Эйлера *Introductio in Analysin infinitorum***). Назначеніемъ этого перевода по мысли переводчика было служить желающимъ основательно изучить коническія сѣченія. Его разсмотрѣніе и представленіе о немъ рапорта было возложено Академіей на профессора Котельникова, который и представилъ свой рапортъ въ засѣданіи 12-го марта. Вслѣдствіе выраженнаго Котельниковымъ полнаго одобренія труда Головина Конференція постановила немедленно приступить къ его печатанію. По неизвѣстнымъ причинамъ это постановленіе не было исполнено и разсматриваемый переводъ Головина, не смотря на всю свою важность, въ свѣтъ не появился.

Первымъ самостоятельнымъ сочиненіемъ, написаннымъ Головинымъ, былъ представленный Академіи въ засѣданіи 15-го іюня 1780 года „полный“, по выраженію протокола, „трактатъ плоской и сферической тригонометріи на русскомъ языкѣ“. Въ виду того, что до этого времени полнаго русскаго сочиненія по тригонометріи еще не было, авторъ просилъ Академію напечатать, если это будетъ признано необходимымъ, представляемый имъ трудъ. По постановленію Конференціи, рукопись Головина была передана для разсмотрѣнія и отзыва профессору Иноходцову, давшему ей въ слѣдующемъ же засѣданіи 19-го іюня

*) Перепечатано въ части VIII (Спб. 1792) „Собранія сочиненій, выбранныхъ изъ мѣсяцослововъ на разные годы“ стр. 419—428 и таблица съ 2 фигурами.

**) 2 vol.; 4°; Lausanne 1748. Нѣмецкій переводъ J. A. C. Michelsen's въ 2 томахъ вышелъ въ 1788—90 г.г. въ Берлинѣ.

очень благосклонную оцѣнку. Рукопись Головина была отправлена вслѣдствіе этого для напечатанія въ завѣдующую этимъ дѣломъ академическую Комиссію. Но эта послѣдняя отнеслась къ ней по неизвѣстнымъ пока причинамъ также какъ и къ переводу „Сокращенія Астрономіи“ де ла Ланда, т.-е. выпустила ее въ свѣтъ только въ 1789 году подъ заглавіемъ „Плоская и сферическая тригонометрія съ алгебраическими доказательствами, собранными Михаиломъ Головинымъ, Надворнымъ Совѣтникомъ, Академіи Наукъ Членомъ и учительской семинаріи Профессоромъ“^[*].

(Продолженіе въ слѣд. №).

Михаиль Евсевіевичъ Головинъ.

В. Бобынинъ. Москва.

(Продолженіе).

Нужда и даже настоятельная въ такой книгѣ, какъ составленная Головинымъ, несомнѣнно живо чувствовалась въ практикѣ преподаванія тригонометріи въ Россіи. До Головина на ея удовлетвореніе обратилъ дѣятельное вниманіе „Публичный ординарный профессоръ Логики, Метафизики и чистой Математики“ въ Московскомъ Университетѣ Дмитрій Сергѣевичъ Аничковъ. Въ 1765 году имъ была издана въ собственномъ переводѣ съ латинскаго языка Дог. Фридерика Вейдлера плоская Тригонометрія^[*]. Позднѣе онъ же приступилъ почти одновременно съ Головинымъ къ составленію собственнаго и притомъ болѣе обширнаго, чѣмъ книга Вейдлера, сочиненія, вышедшаго въ свѣтъ въ 1780 году подъ заглавіемъ „Теоретическая и практическая Тригонометрія, въ пользу и употребленіе не токмо юношества, но и тѣхъ, Кои упражняются въ Землемѣри, Фортификаціи и Артиллеріи, изъ разныхъ авторовъ собранная. Съ приобщеніемъ гравированныхъ таблицъ на двенатцати таблицахъ, Императорскаго Московскаго Университета Публичнымъ Ординарнымъ Профессоромъ и Московскаго Россійскаго Собранія при томъ же Университетѣ Членомъ Дмитріемъ Аничковымъ“^[**]. Сочиненіе Аничкова вышло такимъ образомъ въ свѣтъ, когда книга Головина была еще въ рукописи. Но это не исключало необходимости немедленнаго печатанія послѣдней уже по одному отсутствію въ первомъ сферической тригонометріи. Не прошло, дѣйствительно, и семи лѣтъ, какъ уже почти одновременно вышли въ свѣтъ два новыя сочиненія по тригонометріи: 1) магистровъ Эдинбургскаго Университета В. П. Никитина и П. И. Суворова „Тригонометрій двѣ книги, содержащія плоскую и сферическую тригонометрію“^[***] и 2) „Теоретическаго и пракческаго курса Чистой Математики часть третія Содержащая въ себѣ Полную и Сокращенную

*) Печатана при Императорскомъ Московскомъ Университетѣ. 8°; 51стр. съ гравированною таблицею.

**) Печатана въ Университетской Типографіи у Н. Новикова 1780 года. 8°; 123 стр. и 12 таблицъ чертежей.

***) Въ Санктпетербургѣ. При Морскомъ Шляхетномъ Кадетскомъ Корпусѣ, 1787 года. 8°; 149 стр. и 2 таблицы чертежей.

Тригонометрію съ практикою, и описаніемъ составленія и употребленія пропорціональнаго Циркула или Сектора, въ пользу и употребленіе юношества и упражняющихся въ математикѣ. Сочиненная Артиллеріи Штыкъ-юнкеромъ и партикулярнымъ въ Москвѣ благороднаго юношества Учителемъ математики Ефимомъ Войтяховскимъ^{*)}. Оба полновластные командира Академіи Наукъ, т.-е. два слѣдовавшіе одинъ за другимъ ея директора Сергѣй Домашневъ и княгиня Дашкова, какъ допустившіе при указанныхъ обстоятельствахъ, не смотря на постановленіе Академіи, единственно по своей небрежности, а можетъ быть и по личной неприязни къ автору, 9-лѣтнюю отсрочку окончанія печатанія его „Тригонометріи“, должны быть считаемы въ данномъ случаѣ по меньшей мѣрѣ не стоящими на высотѣ своего положенія, которое обязывало ихъ всѣми зависящими отъ нихъ мѣрами содѣйствовать развитію наукъ въ Россіи.

Слѣдующими за „Тригонометріею“ самостоятельными и притомъ уже чисто учеными произведеніями Головина были два мемуара, изъ которыхъ одинъ относился къ оптикѣ, а другой— къ математической физикѣ и именно къ части ея, посвященной акустикѣ. Первый, имѣвшій заглавіемъ „Примѣчанія надъ плоскими зеркалами“ и представленный Академіи въ засѣданіи 1-го февраля 1781 года, былъ прочтенъ въ слѣдующемъ же засѣданіи 5-го февраля по болѣзни автора профессоромъ Иноходцовымъ. Такъ какъ онъ не былъ напечатанъ въ академическихъ изданіяхъ, то изъ самаго этого факта слѣдуетъ, что Академія не признала его вносящимъ что нибудь новое въ науку.

Второй мемуаръ Головина былъ представленъ Академіи подъ заглавіемъ *Applicatio tentaminis de sono campanarum. Auct. L. Eulero. Nov. Comment. Tom. X inserti ad sonos scypliorum vitreorum, qui sub nomine Instrumenti harmonici sunt cogniti. Auct. M. Golovin.* По отсутствію автора, приславшаго вмѣстѣ съ мемуаромъ письменное извиненіе въ невозможности прочесть его самому, онъ былъ прочтенъ въ засѣданіи 22-го декабря 1783 года профессоромъ Крафтомъ. Затѣмъ почти черезъ годъ, именно въ протоколѣ засѣданія 13-го декабря 1784 года, въ числѣ мемуаровъ, назначенныхъ для помѣщенія во второй части X тома изданія „*Acta Academiae Scientiarum Imperialis Fetropolitanae pro Anno 1781*“, былъ названъ также и мемуаръ Головина. Здѣсь, дѣйствительно, въ слѣдующемъ 1785 г. онъ и появился на стр. 176—184 подъ прежнимъ своимъ заглавіемъ.

Въ своемъ качествѣ занимающагося приложеніемъ изслѣдованія Эйлера о колокольномъ звонѣ къ звукамъ, издаваемымъ стеклянными стаканами, составляющими инструментъ, извѣстный у современниковъ подъ именемъ гармоническаго, трудъ Головина представляетъ не болѣе какъ продолженіе работы учителя въ случаѣ, имъ самимъ не разсмотрѣнномъ. Какъ не обнаруживающій притомъ никакихъ проблесковъ оригинальной мысли и способности не только къ проложенію въ наукѣ новыхъ путей, но даже къ самостоятельному не пользующемуся указаніями мастеровъ науки выбору предметовъ изслѣдованій, этотъ трудъ является въ полномъ смыслѣ трудомъ зауряднаго ученаго, не способнаго оставить сколько-нибудь замѣтный слѣдъ въ исторіи науки, хотя и обладающаго, какъ показываетъ тотъ же трудъ, вполне удовлетворительною

*) Въ Москвѣ 1787 года. 8°; 314 стр. и 12 таблицъ чертежей.

математическою подготовкою. Эта послѣдняя выражается въ немъ главнымъ образомъ въ обнаруживаемомъ авторомъ умѣнь пользоваться при изслѣдованіи средствами, доставляемыми анализомъ безконечно-малыхъ и въ частности дифференціальнымъ исчисленіемъ. Въ заключеніе можно сказать, что положеніе, занятое Головинымъ въ наукѣ при вступленіи въ адъюнкты, не измѣнилось затѣмъ и во все послѣдующее время. Способнымъ работать въ наукѣ только по указаніямъ ея мастеровъ, содержащимся притомъ въ ихъ работахъ второстепеннаго значенія, явился Головинъ въ своемъ мемуарѣ, представленномъ имъ для полученія званія адъюнкта; такимъ же является онъ и въ разсматриваемомъ теперь главнымъ своемъ мемуарѣ.

Указанное положеніе, занимаемое Головинымъ въ наукѣ, уже само по себѣ должно было сдѣлать для него пребываніе въ Академіи очень тягостнымъ. Нахожденіе же во главѣ Академіи такихъ неспособныхъ понять и оцѣнить по существу соотношенія между ея членами, какъ Сергѣй Домашневъ и княгиня Дашкова, еще болѣе увеличивало трудности дѣла. Первый для увеличенія недостаточнаго, по его мнѣнію, числа представляемыхъ академиками и адъюнктами мемуаровъ постановилъ, чтобы съ начала 1780 года по крайней мѣрѣ въ одно изъ двухъ происходящихъ еженедѣльно по понедѣльникамъ и пятницамъ засѣданій читался мемуаръ по установленной заранѣ между академиками и адъюнктами очереди. Постановленіе вошло въ силу съ 20-го января 1780 года, какъ это можно заключить изъ появленія съ этого дня въ началѣ протоколовъ засѣданій по понедѣльникамъ, указанія лица, на которое по упомянутой очереди выпадаетъ обязанность прочесть въ теченіе наступающей недѣли мемуаръ. До выхода Головина изъ числа активныхъ членовъ Академіи очередь читать мемуары выпадала на него 12 разъ. Такъ какъ, по вышеизложенному, были представлены и прочитаны всего только два его мемуара, то въ десяти случаяхъ онъ оказался не исполнившимъ наложенной на него обязанности, что, конечно, не могло не уронить его въ мнѣніи какъ Домашнева, такъ и не отмѣнившей его постановленія, а слѣдовательно и вполне согласной съ нимъ, княгини Дашковой. Чтеніе собственныхъ мемуаровъ Головинъ старался, когда представлялась возможность, замѣнить чтеніемъ мемуаровъ, принадлежащихъ другимъ. Такъ имъ были прочтены: мемуаръ Румовскаго *Modus investigandi integrale aequationis $dp(l-p) (nn - ss) -f- ds (nn -f- p3 + ps -f- pps) = 0$* въ засѣданіи 4-го марта 1784 г. и два мемуара Иноходцова: *Summarium observationum astronomicarum pro definiendo situ geographico urbis Kursk, anno 1783 habitarum* въ засѣданіи 27-го мая 1784 года и *De situ geographico urbis Woronesch deducto ex observationibus astronomicis anno 1783 habitis* въ засѣданіи 24-го января 1785 года.

Сергѣй Домашневъ, занятый постоянною борьбою съ оппозиціею Академіи его стремленіямъ къ самовластію, выражающимся иногда въ грубо-начальническихъ выходкахъ, не могъ, конечно, для выраженія своего недовольства заниматься однимъ Головинымъ, отдѣльно отъ другихъ. Ему пришлось, поэтому, ограничиться въ отношеніи послѣдняго только тѣмъ, что въ своихъ предположеніяхъ о карахъ противъ непокорныхъ онъ распространялъ ихъ дѣйствіе также и на него. Такъ, задумавъ лишить нѣкоторыхъ особенно неугодныхъ ему членовъ Академіи медалей, которыя они должны были получить вмѣстѣ съ другими петербургскими чиновниками по случаю открытія конной статуи Петра Великаго, онъ присоединилъ къ ихъ числу и Головина. Болѣе энергичныя наступательныя дѣйствія противъ

Головина повела, какъ это будетъ скоро показано, княгиня Дашкова, которая, благодаря присущей ей, какъ придворной дамѣ, ловкости, не была связана столкновениями съ Академіей въ лицѣ ея вліятельныхъ членовъ. Уже черезъ полтора мѣсяца послѣ своего вступленія въ должность директора Академіи она приняла въ отношеніи Головина мѣру, до нѣкоторой степени предопредѣлившую ея дальнѣйшій образъ дѣйствій. На представленное имъ въ засѣданіи 10-го марта 1783 года просительное письмо на имя Конференціи о возведеніи его въ званіе академика княгиня Дашкова послѣ сравнительно благопріятнаго для него голосованія Конференціи отвѣтила обращеннымъ къ нему предложеніемъ или получить награду сейчасъ или сдѣлаться экстраординарнымъ профессоромъ черезъ нѣсколько мѣсяцевъ. Не подозрѣвая скрытаго въ этихъ предложеніяхъ желанія отсрочить рѣшеніе вопроса, Головинъ согласился на второе предложеніе, потерявъ черезъ это непосредственныя выгоды, доставляемыя первымъ, и не достигнувъ обѣщаннаго осуществленія втораго.

Принятіе Головинымъ дѣятельнаго участія въ изданіи Академіею Наукъ календарей было прямымъ послѣдствіемъ предшествовавшихъ привлеченій его къ занятіямъ астрономіею и гидрологіею.

Въ виду необходимости для Академіи имѣть астрономическую обсерваторію лучше расположенную, лучше устроенную и болѣе обширную, чѣмъ существующая, директоръ Домашневъ въ засѣданіи 21-го іюня 1779 года, предложилъ астрономамъ и математикамъ Академіи обсудить между собою вопросъ о болѣе удобномъ, въ городѣ или внѣ города, мѣстѣ для новой обсерваторіи и кромѣ того набросить по общему соглашенію эскизъ ея зданія. При этомъ директоръ выразилъ также желаніе, чтобы при обсерваторіи были построены дома для удобнаго помѣщенія въ нихъ двухъ астрономовъ, двухъ адъюнктовъ и достаточнаго количества учениковъ (elèves) Академіи, т.-е. студентовъ академическаго университета. Для приведенія этихъ предложеній въ исполненіе математики и астрономы Академіи образовали 25-го іюня частное собраніе, въ составъ котораго вошли Котельниковъ, Румовскій, Крафтъ, Лексель, Иноходцовъ, Фуссъ, Головинъ и Эйлеръ—сынъ, какъ Непремѣнный Секретарь Академіи. Выработанные этимъ собраніемъ проекты остались, однако, по недостатку денегъ безъ практическаго осуществленія.

Въ 1780 году правительство вновь обратило вниманіе на поставленную Академіи Наукъ съ самаго ея основанія задачу опредѣленія географическаго положенія различныхъ мѣстъ Россійской Имперіи. Императрицѣ былъ представленъ проектъ отправленія съ этою цѣлью трехъ новыхъ экспедицій, который она и подписала, назначивъ для покрытія расходовъ по этому предпріятію значительную денежную сумму. Начальниками экспедицій предполагалось назначить профессора Иноходцова, адъюнкта Головина и геодезиста Чернаго, а избранный Академіею 16-го ноября и 3-го декабря 1780 года для организаціи предпріятія Комитетъ долженъ былъ собраться 19-го марта 1781 года для составленія инструкцій начальникамъ экспедицій и для назначенія какъ лицъ, которыя должны ихъ сопровождать, такъ и инструментовъ и другихъ вещей, въ которыхъ могла для нихъ представиться надобность. Такъ далеко, повидимому, зашедшее дѣло организаціи предположенныхъ экспедицій потерпѣло, однако, значительныя измѣненія подѣ вліаніемъ авторитетнаго мнѣнія Эйлера.

(Продолженіе въ слѣд. №).

Михаиль Евсевіевичъ Головинъ.

В. Бобынинъ. Москва.

(Продолженіе).

Въ засѣданіи 19-го апрѣля 1781 года Румовскій сообщилъ Конференціи, что по мнѣнію Эйлера отправить до 1783 года три астрономическія экспедиціи по плану, намѣченному въ ихъ инструкціяхъ, значить потерять время и бесполезно израсходовать деньги. Въ случаѣ же существованія обстоятельствъ, не допускающихъ продолжительной отсрочки, онъ совѣтуетъ начать съ Херсона и такъ какъ особенно важно точно опредѣлить географическое положеніе этого мѣста, то туда слѣдуетъ послать даже двухъ наблюдателей (Иноходцова и Головина), предписавъ имъ не оставлять этотъ городъ до тѣхъ поръ, пока они не сдѣлаютъ двѣнадцати наблюденій погруженій въ тѣнь и выходовъ изъ тѣни спутниковъ Юпитера вмѣстѣ со всѣми покрытіями, которыя произойдутъ въ этотъ промежутокъ времени. Въ то же время третій наблюдатель (г. Черный) могъ бы отправиться въ ближайшія къ Херсону мѣста юга Россіи и постараться точно опредѣлить тамъ долготы и вмѣстѣ съ тѣмъ собрать для этихъ мѣстностей топографическіе матеріалы. Предложенное Непремѣннымъ Секретаремъ послѣ сообщенія Румовскаго голосованіе по выдвинутымъ имъ вопросамъ дало слѣдующіе результаты: нѣсколько академикомъ въ интересахъ и самихъ астрономовъ и денежнаго хозяйства Академіи высказались согласно съ первымъ предложеніемъ Эйлера за отсрочку экспедицій до 1783 года; профессоръ Иноходцовъ объявилъ, что ему было бы пріятнѣе употребить свое время съ пользою въ Петербургѣ, чѣмъ почти совершенно потерять его, отправляясь съ текущаго года въ мѣста, географическое опредѣленіе которыхъ ему поручено. Также и адъюнктъ Головинъ выразилъ сожалѣніе о времени, которое онъ долженъ былъ бы провести въ мѣстахъ, гдѣ ему пришлось бы сдѣлать только немногія наблюденія. Наконецъ остальные академики въ приближеніи ко второму предложенію Эйлера высказались за отправленіе на югъ только одной экспедиціи и за предоставленіе остальныхъ сѣверу въ годъ болѣе удобный для этого. На основаніи мнѣнія Эйлера, а также и изложенныхъ результатовъ голосованія, Директоромъ Академіи было объявлено въ слѣдующемъ же засѣданіи 23-го апрѣля черезъ Непремѣннаго Секретаря слѣдующее принятое имъ окончательное рѣшеніе: профессору Иноходцову и геодезисту Черному немедленно ѣхать на югъ; адъюнкту Головину оставаться до тѣхъ поръ въ Петербургѣ, пока большая высота Юпитера не позволитъ и ему присоединиться къ Иноходцову для успѣшнаго наблюденія погруженій въ тѣнь и выходовъ изъ тѣни спутниковъ Юпитера въ мѣстахъ, расположенныхъ на сѣверѣ. Въ ожиданіи же наступленія этого времени онъ долженъ посѣщать академическую обсерваторію и подъ руководствомъ Румовскаго совершенствоваться въ практической астрономіи. О точномъ исполненіи Головинымъ этого постановленія было сообщено Конференціи въ засѣданіи 28-го мая, при чемъ она узнала также, что въ своихъ занятіяхъ практическою астрономіею Головинъ обращаетъ главное вниманіе на наблюденія на полѣ, что Академія оказываетъ ему помощь во всемъ, въ чемъ онъ имѣетъ надобность, и что съ того времени, когда ему ночи позволяютъ, онъ будетъ производить наблюденія такъ, какъ если бы былъ въ дорогѣ. Изъ инструментовъ,

назначенных первоначально исключительно для занятий Головина, Румовский в своем рапорте об астрономических инструментах, принятых им после смерти Лекселля, упоминает астрономический маятник de la Paute. В октябре 1781 года подготовительная к участию в астрономической экспедиции работа Головина закончилась и он начал собираться к отъезду. По его заказу были уже сделаны три ящика для упаковки инструментов, которые должны были отправиться с ним в дорогу, и тем не менее его ожидаемое и им самим и Академией отправление в экспедицию по неизвестным теперь причинам не осуществилось. В заседании 18-го октября состоялось только постановление Конференции об уплате ему 3 руб. 50 коп., израсходованных на упомянутые три ящика для упаковки инструментов.

Привлечение Головина к занятиям гидрологией произошло вследствие увольнения в годовой отпуск для поправления разстроенного здоровья проф. Лекселля, заведующего гидрологическими наблюдениями над Невою. В заседании 6 июля 1780 г. Директор Академии Домашнев возложил на Головина на все время отсутствия Лекселля попечение о записывании количества дождя и высоты воды в Неве и сообщении затем этих наблюдений Конференции. В целях дальнейшего развития гидрологических наблюдений над Невою именно для определения падения воды в Неве и скорости ее течения Домашневым в заседании 21 августа 1780 года был назначен особый комитет, в состав которого вошли Краффт, Фусс, Головин и Непременный Секретарь Академии Эйлер—сын. Заведывание этим Комитетом и руководство его деятельностью были тогда же поручены Эйлеру—отцу.

Главным результатом гидрологических наблюдений Головина была таблица прибылей и убылей воды в Неве, составленная им по наблюдениям, производимым три раза в день с 12 июля до 6 ноября 1780 г. без всяких перерывов. Эту таблицу он представил Академии в заседании 13 ноября, причем объяснил, что продолжению ее за указанный срок помешал лед. Он просил Конференцию, в случае если она найдет желательным, чтобы эти наблюдения продолжались и зимою. При согласии на это он просил ее также сделать распоряжение об ежедневном освобождении от льда как самой сваи, на которой находилась шкала высот воды, так и пространства вокруг нее. Полностью согласившись с предложениями Головина, Конференция постановила обратиться к академической комиссии с тем, чтобы эта последняя приказала одному из солдат, находившихся в ее распоряжении, ломать лед около упомянутой сваи так часто, как это окажется нужным. Наблюдения Головина над прибылью и убылью воды в Неве продолжались до декабря 1782 г., когда он был вынужден от них отказаться. В заседании 2 декабря он донес Конференции, что не может больше наблюдать высоту воды в реке, так как не имеет людей, которые ломали бы по утрам лед около шкалы и очищали бы от него и самую шкалу. Это заявление Головина вместе с содержащим его письмом Конференция сообщила академической Комиссии, но, повидимому, безуспешно.

Из издаваемых Академией Наук ежегодно календарей главным был выходивший на русском и немецком языках под заглавием „Мѣсяцословъ на лѣто отъ Рождества Христова... (наприм. 1783), которое есть простое, содержащее в себѣ 365 дней, сочиненный на знатнѣйшія мѣста Россійской Имперіи“ (8°).

Занятія Головина ежегоднымъ изданіемъ этого календаря начались съ 1782 г., когда по приказанію директора Академіи Домашнева онъ долженъ былъ взять на себя составленіе календаря на 1783 годъ. Въ виду новизны для него вычисленій, требуемыхъ этою работою, Академія въ засѣданіи 23 мая постановила потребовать возможно скорой передачи этихъ вычисленій на предварительное передъ печатаніемъ разсмотрѣніе Румовскаго. Въ исполненіе этого требованія Головинъ представилъ уже въ слѣдующее засѣданіе 27 мая вычисления, относящіяся къ 12 мѣсяцамъ календарнаго года, обѣщая при этомъ все остальное представить въ теченіе будущей недѣли. Это обѣщаніе однако же имъ исполнено не было и остальную часть вычисленій онъ представилъ Академіи только въ засѣданіи 8 іюля. Румовскій оказался болѣе внимательнымъ къ требованіямъ Академіи. Свой рапортъ о календарѣ вмѣстѣ съ нимъ самимъ онъ представилъ Академіи въ засѣданіи 11 іюля. Въ рапортѣ онъ сообщалъ, что при повѣркѣ нѣкоторыхъ изъ вычисленій Головина въ нихъ не оказалось ошибокъ; календарь, поэтому, можетъ быть отданъ въ печать. Предварительно должна быть только расширена и исправлена таблица разстояній между городами Имперіи на основаніи документовъ и матеріаловъ, которые могутъ быть доставлены Академической Комиссіею. Рапортъ такого авторитетнаго въ Академіи лица, какъ Румовскій, привелъ ея Конференцію въ томъ же засѣданіи, въ которомъ онъ былъ представленъ, къ слѣдующимъ постановленіямъ: 1) послать календарь въ Комиссію и просить ее о доставленіи вышеупомянутыхъ документовъ Головину, такъ какъ ему поручается подвергнуть таблицу разстояній передѣлкѣ; 2) возвратиться къ той старой формѣ календаря, которая употреблялась еще въ Календарѣ на 1779 годъ, какъ уже сдѣлавшейся привычною для публики, а потому и предпочитаемою ею той, которая была принята въ три послѣдніе года; 3) признать необходимымъ поручить адъютанту Головину составленіе календарей и на будущіе годы съ тѣмъ, чтобы онъ началъ тотчасъ же вычисленіе календаря на 1784 годъ, такъ какъ для разсмотрѣнія этой работы послѣ ея окончанія и для отзыва о ней нужно время и, наконецъ, 4) назначить Головину вознагражденіе въ 100 рублей не только за составленный имъ уже календарь на 1783 годъ, но также и за тѣ, которые имъ будутъ вычислены впослѣдствіи.

Календарь на 1783 годъ во время печатанія былъ подвергнутъ, вѣроятно по распоряженію Домашнева, новому пересмотру. Результатомъ послѣдняго, какъ потребовавшего значительныхъ исправленій и измѣненій въ трехъ предпослѣднихъ листахъ, была такая задержка въ печатаніи, которая сдѣлала невозможнымъ выходъ Календаря въ свѣтъ до Новаго Года. Неудобства такого способа веденія изданія необходимой для публики справочной книги въ соединеніи съ незначительностью поводовъ къ упомянутымъ исправленіямъ и измѣненіямъ заставили Академію обратиться черезъ своего Непремѣннаго Секретаря къ Директору съ соответствующимъ письменнымъ представленіемъ, которое тотъ даже не удостоилъ отвѣта. Въ виду этого Конференція въ засѣданіи 14 ноября поручила Головину лично явиться къ Домашневу для повторенія ему вышеупомянутаго представленія Академіи, а также и для полученія отъ него приказаній относительно листа Г русскаго календаря, который вслѣдствіе сдѣланныхъ въ немъ очень существенныхъ поправокъ и прибавленій подлежалъ немедленной перепечаткѣ. Объ исполненіи этого порученія Головинъ доложилъ Конференціи въ слѣдующемъ же засѣданіи 18 ноября. Въ отвѣтъ на свое сообщеніе

Головинъ услышалъ отъ Директора, что календари не касаются Конференціи и что отвѣтственъ за нихъ, а также и за непоявленіе ихъ въ свѣтъ, только одинъ директоръ. Въ виду такого заявленія Головинъ просилъ Конференцію освободить его отъ обязанности торопиться съ выпускомъ календарей въ свѣтъ. Собраніе согласилось на это, какъ на просьбу, законность которой не допускаетъ отказа. Въ тотъ самый моментъ, когда это рѣшеніе было принято, въ залу засѣданія вошелъ директоръ. Взявъ на себя предсѣдательство, онъ обратился къ секретарю съ вопросомъ о томъ, что было внесено до его прихода въ протоколъ засѣданія. По выслушаніи требуемаго, директоръ сталъ упрекать Конференцію въ томъ, что она вмѣшивается въ дѣла, абсолютно ея не касающіяся, а также и въ томъ, что она препятствуетъ печатанію Календаря. Затѣмъ слово было предоставлено согласно просьбѣ проф. Лекселлю, предложившему предсѣдателю вопросъ, въ чемъ состояли препятствія, причиненныя Конференціей печатанію Календаря? Отвѣтомъ на этотъ вопросъ со стороны директора было требованіе не перебивать его и молчать. Лексель возразилъ на это, что онъ никого не перебивалъ, а молчать не будетъ. Тогда предсѣдатель повышеннымъ тономъ произнесъ: *taisez vous*. Послѣ такого небывалаго обращенія съ академикомъ Лексель всталъ и ушелъ изъ залы. Со стороны директора эта тяжелая сцена была закончена тѣмъ, что, продиктовавъ по-русски какую-то записку академику Протасову, онъ и самъ удалился изъ залы засѣданія. Тогда собраніе поручило секретарю занести все происшедшее въ протоколъ и попросить Лекселля возвратиться въ засѣданіе. Подчинившись приглашенію, Лексель снова занялъ свое мѣсто, при чемъ попросилъ Секретаря предложить каждому изъ присутствующихъ вопросъ: „перебивалъ ли онъ, Лексель, господина директора?“ Всѣ отвѣтили „нѣтъ“, за исключеніемъ академика Протасова и адъюнкта Зуева, которые разошлись въ своихъ впечатлѣніяхъ не только съ другими, но и между собою. Первый говорилъ, что Лексель попросилъ слова, когда директоръ едва только успѣлъ кончить свою рѣчь, а второй утверждалъ, что директоръ обратился къ Секретарю и что отвѣчать нужно было этому послѣднему, а не Лекселлю. Затѣмъ, согласно новому требованію Лекселля, Секретарь спросилъ академика Протасова: бывалъ ли кто-нибудь изъ членовъ Конференціи когда нибудь въ типографіи для того, чтобы препятствовать печатанію Календаря? Академикъ Протасовъ отвѣтилъ, что онъ этого не видѣлъ и ни о чемъ подобномъ ему не доносили.

Скоро послѣ описаннаго засѣданія, являющагося въ Исторіи С.-Петербургской Академіи Наукъ XVIII столѣтія очень характернымъ, Домашневъ въ декабрѣ того же 1782 года оставилъ должность директора Академіи, занятую послѣ него въ январѣ слѣдующаго 1783 года княгинею Дашковою.

Матеріалы для порученныхъ Головину исправленій и дополненій таблицы разстояній между городами Россійской Имперіи доставлялись ему не только Академической Комиссіей, но и частными лицами. Такъ въ засѣданіи Академіи 16 декабря 1782 г. Фуссъ представилъ отъ имени ярославскаго хирурга Фриса очень точный списокъ 19 городовъ Вологодской губерніи съ указаніями ихъ разстояній отъ С.-Петербурга, Москвы и Вологды и, кромѣ того, еще списокъ 14 городовъ, расположенныхъ на дорогѣ отъ Москвы до Архангельска съ указаніемъ ихъ разстояній отъ Москвы. Оба эти списка были переданы Головину съ тѣмъ, чтобы, по минованіи въ нихъ надобности, онъ передалъ ихъ въ академическій архивъ.

Въ исполненіе вышеприведенныхъ постановленій Конференціи о времени доставленія ей составляемыхъ вновь календарей для предварительнаго передъ печатаніемъ разсмотрѣнія Головинъ представилъ свой Календарь на 1784 годъ въ засѣданіи 10 февраля 1783 г. Какъ и въ предыдущемъ году, этотъ Календарь былъ переданъ для просмотра и отзыва Румовскому. Не найдя ошибокъ въ провѣренныхъ имъ нѣсколькихъ вычисленіяхъ, послѣдній могъ отмѣтить только одинъ недостатокъ въ трудѣ Головина, именно отсутствіе опредѣленія съ достаточною точностью начала солнечнаго затмѣнія 5 августа, видимаго въ Петербургѣ скоро послѣ восхода солнца. Онъ счелъ себя обязаннымъ указать на это, чтобы Конференція поручила Головину вычислить указанный моментъ со всею требуемою точностью. Конференція одобрила это замѣчаніе Румовскаго и постановила его исполнить. Вслѣдствіе утвержденія 26 мая княгинею Дашковой упомянутого уже выше мнѣнія Конференціи о пользѣ возвращенія календарей къ ихъ прежней формѣ на Головина было возложено еще и другое порученіе. Онъ долженъ былъ передать Календарь на 1784 годъ въ типографію только послѣ сообщенія ему указанной формы.

Издаваемые Академіею календари, какъ предметъ изъ всей ея дѣятельности можетъ быть единственно доступный новому директору Академіи княгинѣ Дашковой, стали обращать на себя особенное ея вниманіе почти съ самаго вступленія въ должность директора. Такъ въ засѣданіи 26 мая 1783 г. редактированіе обыкновеннаго календаря на нѣмецкомъ языкѣ было возложено ею на Платцманна. Редактированіе это сводилось главнымъ образомъ къ одновременному съ печатаніемъ русскаго календаря его переводу на нѣмецкій языкъ. Въ этомъ же засѣданіи она указала и подтвердила многими примѣрами существованіе многочисленныхъ ошибокъ и неточностей въ „Придворномъ Календарѣ“ на текущій годъ. Обративъ вниманіе академикомъ и адъюнктомъ на это явленіе, она предложила имъ на будущее время заботиться о томъ, чтобы этотъ календарь былъ болѣе исправнымъ. Для доставленія этому своему предложенію фактическаго значенія она приказала разсылать циркулярно всѣмъ академикомъ и адъюнк-

тамъ экземпляръ Придворнаго Календаря со вклеенными въ него листами бѣлой бумаги для того, чтобы каждый могъ записывать на нихъ свои поправки и замѣчанія. Въ засѣданіи 25 августа княгиня Дашкова приказала помѣстить въ „Мѣсяцословѣ съ наставленіями“ на будущій годъ въ случаѣ, если обѣщанная для него статья Палласа не займетъ его всего, одинъ изъ русскихъ мемуаровъ, читанныхъ въ засѣданіяхъ Конференціи академикомъ Озерецковскимъ. Такъ какъ, по заявленію Палласа, его статья могла занять только небольшое число страницъ, то изъ упомянутыхъ мемуаровъ Озерецковскаго было постановлено напечатать въ Календарѣ рекомендованное для этого имъ самимъ „Описаніе моржоваго промысла“, представленное имъ Академіи 22 февр. 1781 г. Въ этомъ же засѣданіи 25 августа согласно выраженному ассессоромъ Бакмейстеромъ желанію на него было возложено доставленіе для обыкновеннаго календаря хронологическаго обзорѣнія замѣчательныхъ событій и редактированіе генеалогической таблицы послѣ введенія въ нее указанныхъ княгиней Дашковой измѣненій и исправленій. Исполненіе принятой такимъ образомъ на себя обязанности Бакмейстеръ началъ съ представленія Академіи въ томъ же засѣданіи начала упомянутого хронологическаго обзорѣнія подъ заглавіемъ Fortsetzung des chronologischen

Verzeichnisses der vornehmsten Begebenheiten im Jahr 1782 и 1783. Въ своемъ вниманіи къ издаваемымъ Академіею календарямъ княгиня Дашкова доходила даже до личного участія въ распредѣленіи ихъ экземпляровъ. Такъ въ засѣданіи 15 дек. 1783 г. академическою Канцеляріею были присланы отъ имени княгини Дашковой экземпляры календарей: обыкновеннаго, съ наставленіями и историческаго для помѣщенія и храненія ихъ въ архивахъ Конференціи.

Какъ и въ два предыдущіе года, Головинъ долженъ былъ прежде печатанія представить свои вычисленія для Календаря на 1785 годъ на предварительное разсмотрѣніе въ Конференцію, что онъ и сдѣлалъ въ засѣданіи 5 іюля 1784 г. Въ этомъ же засѣданіи состоялось также, по взаимному соглашенію, раздѣленіе между академикомъ Озерецковскимъ и адъюнктами Зуевымъ и Головинымъ редакціи и корректированія трехъ издаваемыхъ Академіею русскихъ календарей, именно „Мѣсяцослова историческаго и географическаго“, „Мѣсяцослова съ наставленіями“ и Календаря обыкновеннаго. Что же касается редакціи двухъ остальныхъ русскихъ календарей, издаваемыхъ Академіею, именно Придворнаго*) и Адреснаго**), то рѣшеніе о ней было отложено до другого времени.

Въ теченіе лѣтнихъ каникулъ, продолжавшихся съ 8 іюля по 12 августа, Головинъ представилъ Непремѣнному Секретарю на этотъ разъ уже полную рукопись обыкновеннаго календаря на 1785 г., которую тотъ передалъ сперва для разсмотрѣнія Румовскому, а потомъ, послѣ полученія отъ него одобренія, сдалъ въ печать, распорядившись притомъ, чтобы первая корректура была послана Головину, а послѣдняя—Румовскому. Послѣ доклада Непремѣннаго Секретаря о всѣхъ этихъ своихъ дѣйствіяхъ Конференціи въ засѣданіи 12 августа Головинъ внесъ отъ себя предложеніе объ исключеніи изъ обыкновеннаго календаря VII статьи, представляющей списокъ городовъ, планы которыхъ получили утвержденіе Императрицы, и о замѣнѣ ея таблицею географическихъ положеній главныхъ мѣстъ Россійской Имперіи. Конференція одобрила это предложеніе, но приведеніе его въ исполненіе, также какъ и нѣкоторыхъ другихъ менѣе значительныхъ измѣненій, предложенныхъ Головинымъ, обусловила согласіемъ начальства.

Въ 1785 году энергія, съ которою Головинъ относился къ возложенному на него составленію обыкновеннаго календаря, начала замѣтно ослабѣвать. Къ началу іюля имъ уже не были, какъ прежде, доставлены Конференціи календарныя вычисленія. Непремѣнному Секретарю пришлось вслѣдствіе этого въ засѣданіи 7 іюля напомнить Конференціи о безотлагательной необходимости подумать о календаряхъ на 1786 годъ. Рѣшено было, поэтому, немедленно же послать къ Головину за сдѣланными имъ календарными вычисленіями. Но получить ихъ и вообще всю астрономическую и хронологическую часть Календаря на 1786 г. отъ него удалось только въ засѣданіи 18 августа. Для предварительнаго разсмотрѣнія этой части Румовскимъ уже не оставалось времени и потому она была прямо сдана въ печать съ тѣмъ, чтобы Румовскій взялъ на себя послѣднюю корректуру листовъ, послѣ которой ихъ должны были передать адъюнкту Платцманну для перевода на нѣмецкій языкъ съ цѣлью составленія изъ нихъ нѣмецкаго календаря.

*) Придворный мѣсяцословъ на лѣто отъ Рождества Христова и т. д.

**) Мѣсяцословъ съ росписью чиновныхъ особъ въ государствѣ на лѣто отъ Рождества Христова и т. д.

Въ засѣданіи 3 октября Головинъ обратилъ вниманіе Конференціи на неполноту и неточность обыкновенно помѣщаемой въ большемъ или обыкновенномъ календарѣ таблицы разстояній городовъ Россійской Имперіи. Нѣкоторыхъ изъ показанныхъ въ ней городовъ болѣе нѣтъ и напротивъ въ ней отсутствуютъ созданные вновь. Въ виду этого и въ ожиданіи результатовъ ходатайствъ, предпринятыхъ о томъ же предметѣ Академическою Канцеляріею по порученію княгини Дашковой, Конференціею было постановлено въ календарѣ на 1786 годъ помѣстить новые города, хотя бы и безъ указанія ихъ разстояній, и отмѣтить особыми значками имена мѣстъ, переставшихъ быть городами. Что же касается упомянутыхъ ходатайствъ Академической Канцеляріи, то первымъ отвѣтившимъ на нихъ въдомствомъ было почтовое. Изъ доставленныхъ имъ свѣдѣній обнаружилась необходимость нѣкоторыхъ измѣненій въ разстояніяхъ, печатавшихся до сихъ поръ въ большемъ календарѣ. Сводъ этихъ измѣненій, доставленный Конференціи Канцеляріею въ засѣданіи 24 окт. 1785 г., былъ затѣмъ переданъ Головину для введенія въ печатаемый Календарь.

Въ отношеніи Календаря на 1786 годъ заботливость княгини Дашковой достигла едва-ли не наибольшей степени своего развитія. Ею былъ отданъ приказъ Академической Канцеляріи о доставленіи ей на разсмотрѣніе экземпляра, этого Календаря послѣ окончанія его печатанія и прежде выхода въ свѣтъ. Получивъ требуемый экземпляръ, она замѣтила въ немъ „непростительныя“, по ея словамъ, „неправильности“, заставившія ее послѣ собственноручнаго ихъ исправленія возвратитъ экземпляръ обратно въ Канцелярію для перепечатанія. При болѣе подробномъ изложеніи дѣла, которое ей пришлось дать въ своемъ переданномъ черезъ Непремѣннаго Секретаря въ засѣданіи 7 ноября заявленіи, она однако-же ограничилась указаніемъ всего только одной ошибки. Содержащее это указаніе мѣсто протокола засѣданія 7 ноября является на столько характеристичнымъ какъ для самой княгини Дашковой, такъ и для ея отношеній къ календарямъ и къ Академіи, что приведеніе его здѣсь является болѣе, чѣмъ уместнымъ: „Онъ (календарь) въ астрономическихъ вычисленіяхъ говорилъ, что въ этомъ году мы будемъ имѣть пять затмѣній, а позднѣе въ концѣ книги на послѣдней страницѣ находится родъ примѣчанія, въ которомъ говорится о шестомъ затмѣніи.

Вслѣдствіе этого княгиня Дашкова стерла число 5 и замѣнила его 6, при чемъ подъ указаніями моментовъ времени, относящихся къ пятому затмѣнію, помѣстила соотвѣтствующіе моменты для шестого. Это могъ бы вполне сдѣлать и адъюнктъ Головинъ. Не исправивъ же этой ошибки, онъ сдѣлалъ своимъ нерадѣніемъ положеніе Академіи смѣшнымъ и постыднымъ, что и поставило Директора-княгиню въ необходимость сообщить объ этомъ Конференціи черезъ ея Секретаря съ тѣмъ, чтобы въ будущемъ адъюнктъ Головинъ приносилъ Академіи не вредъ, а пользу, допуская менѣе небрежности къ обязанностямъ своей должности. Такъ какъ г. Головинъ не присутствовалъ въ этомъ засѣданіи, то Конференція послала ему копію касающейся его части протокола“*).

Не удовольствовавшись найденнымъ недосмотромъ по части астрономіи, княгиня Дашкова обратилась для разысканія ошибокъ въ другой области къ таблицѣ

*) Протоколы засѣданій Конференціи Императорской Академіи Наукъ съ 1725 по 1803 года. Т. III. Стр. 843.

разстояній. Здѣсь жатва оказалась болѣе богатою, чего и слѣдовало ожидать въ виду свойствъ и характера указанныхъ отчасти уже выше источниковъ, которыми приходилось пользоваться при составленіи этой таблицы. „Различныя“ ошибки, найденныя здѣсь княгинею Дашковою, состояли или въ необозначеніи губерній, въ которыхъ находятся нѣкоторыя изъ указываемыхъ мѣстъ, или въ неправильномъ приписываніи нѣкоторымъ намѣстничествамъ непринадлежащаго имъ званія губерніи. Ставя Конференціи въ ея засѣданіи 22 декабря 1785 г. на видъ всѣ эти ошибки, княгиня Дашкова предписывала ей принять къ предотвращенію возможности повторенія этихъ ошибокъ въ календаряхъ на слѣдующіе годы всѣ находящіяся въ ея распоряженіи мѣры, изъ которыхъ, какъ на главнѣйшую, указывалось на обращеніе въ географическій департаментъ, гдѣ эти ошибки могли быть исправлены на основаніи новой генеральной карты, надъ которою тамъ работали въ разсматриваемое время. Вслѣдствіе этого сообщенія Директора Конференція поручила Непремѣнному Секретарю сообщить адъютанту Головину, какъ неприсутствовавшему въ засѣданіи 22 декабря, соотвѣтствующее извлеченіе изъ протокола послѣдняго.

Вполнѣ достойнымъ отвѣтомъ Головина на направленные противъ него выходки Директора - княгини, по своей рѣзкости совершенно не соотвѣтствующія значенію допущенныхъ имъ недосмотровъ. была подача имъ прошенія объ отставкѣ, о которомъ княгиня Дашкова сообщила Конференціи въ засѣданіи 26 января 1786 г., какъ уже о принятомъ ею. Дѣло увольненія Головина изъ Академіи оказалось однако не на столько простымъ, на сколько оно можетъ быть представлялось княгинѣ Дашковой. Сперва самъ Головинъ обратился къ Конференціи въ засѣданіи 6 февраля 1786 г. съ просьбою о повышеніи его въ званіе профессора прежде, чѣмъ онъ оставитъ Академію, а потомъ, повидимому, и въ ней самой былъ поднятъ вопросъ объ удержаніи его при Академіи, хотя бы въ видѣ посторонняго члена. Княгинѣ Дашковой пришлось уступить и въ засѣданіи 13 февраля Непремѣнный Секретарь заявилъ объ ея согласіи на причисленіе Головина къ классу постороннихъ адъютантовъ. Такъ какъ такой классъ не полагался по статутамъ Академіи, допускаящимъ постороннихъ членовъ только въ одномъ видѣ, именно какъ почетныхъ членовъ, то и Головина пришлось возвестъ въ это званіе, хотя и не съ особенною охотою, какъ это можно видѣть изъ того, что въ XVIII вѣкѣ его предпочитали въ Академіи называть *Associé libre* вмѣсто *membre honoraire*.

Неотступившее даже передъ необходимостью возведенія Головина въ званіе, которое доставлялось до сихъ поръ, по крайней мѣрѣ для простыхъ смертныхъ, только крупными научными заслугами, стремленіе къ удержанію Головина при Академіи показываетъ, что здѣсь смотрѣли на него, какъ на очень полезную рабочую силу, хотя, конечно, и не въ отношеніи творческой дѣятельности въ наукѣ. Направленные противъ Головина дѣйствія княгини Дашковой были актами не только простой несправедливости, но и полной нерасчетливости, представлявшей яркое обнаруженіе отсутствія въ Директорѣ Академіи сколько-нибудь яснаго представленія объ ея пользахъ и нуждахъ. И въ этой неясности представленій указаннаго рода княгиня Дашкова оставила позади себя даже своего предшественника Домашнева. Чтобы въ полной мѣрѣ оцѣнить размѣры потери, понесенной Академіею въ лицѣ Головина послѣ оставленія ея имъ, къ

сообщеннымъ уже свѣдѣніямъ о болѣе крупныхъ изъ его работъ остается присоединить еще и свѣдѣнія о сравнительно мелкихъ предметахъ его занятій.

Въ срединѣ 1778 г. академики были извѣщены Директоромъ Домашневымъ о разрѣшеніи Императрицею постройки для Академіи новаго зданія. вмѣстѣ съ тѣмъ они получили отъ него приглашеніе представить свои мнѣнія о наиболѣе необходимыхъ и желательныхъ для Академіи квартирахъ и другихъ помѣщеніяхъ. Вслѣдствіе этого приглашенія были доставлены Директору письменныя мнѣнія академикомъ Румовскаго, Вольфа, Палласа, Лаксманна, Краффта и Лекселля. Всѣ эти мнѣнія Директоръ передалъ въ засѣданіи 6 іюля Котельникову, Иноходцову и Головину для составленія ихъ свода и присоединенія къ нему также и бумагъ о томъ, въ чемъ нуждалась бы Академія для такихъ своихъ учрежденій, какъ книжный магазинъ, типографія и разные департаменты, въ томъ случаѣ, если бы всѣ существующія деревянныя зданія были уничтожены, а все помѣщающееся въ нихъ должно было бы найти мѣсто въ проектируемомъ новомъ зданіи.

Въ 1780 г. Головинъ былъ привлеченъ къ участию въ составленіи проектовъ темы, которую Академія должна была предложить на соисканіе очередной премии 1783 года. Имъ были предложены двѣ темы: 1) вмѣстѣ съ проф. Краффтомъ: *Quaeritur theoria pressionis atmosphaerae prout vaporibus majus minusve est onusta, unde explicari queat quomodo ascensus et descensus mercurii in barometro cum variis tempestatibus cohaereat?* и 2) вмѣстѣ съ академиками Краффтомъ, Лекселлемъ, Иноходцовымъ, адъюнктомъ Фуссомъ и Непремѣннымъ Секретаремъ Эйлеромъ „*Desideratur plenior explicatio structurae oculi, unde intelligi queat, cur non obstante radorum diversa refrangibilitate et insigni campo quem oculus simul intuetur, imagine in fundo oculi, nihilminus distincte ac sine coloribus iridis repraesententur?*” вмѣстѣ съ этими двумя проектами было предложено еще пять. Выбраннымъ же изъ нихъ Директоромъ Академіи Домашневымъ для постановки на конкурсъ оказался слѣдующій, предложенный академиками Краффтомъ и Непремѣннымъ Секретаремъ Эйлеромъ: *Cum vi ignis vei potius vaporum tantum praestari queat, quaeritur theoria ejusmodi machinarum, quae vi ignis vel vaporum moventur?* или во французской передѣлкѣ: *Exposer une th orie des machines qui se meuvent par la force du feu ou des vapeurs?*

Въ 1784 году было предпринято новое изданіе собранія сочиненій Ломоносова. Выборъ и распредѣленіе этихъ сочиненій, по томамъ, начиная со второго, были поручены сенаторомъ Стрекаловымъ въ засѣданіи Конференціи 26 авг. 1784 г. академикомъ Румовскому, Лепехину и Озерецковскому, а завѣдываніе типографскою частью изданія и просмотръ корректуръ адъюнкту Головину. Академическая Канцелярія должно была доставлять матеріалы для изданія въ видѣ имѣющихся въ ея распоряженіи рукописей Ломоносова и другихъ относящихся къ нему бумагъ.

Въ засѣданіи 24 февраля 1785 г. Конференціей было постановлено согласно представленію проф. Краффта просить директора Академіи княгиню Дашкову о приказѣ адъюнкту Головину взять на себя просмотръ корректуръ 2-й части Экспериментальной физики Краффта, переведенной на русскій языкъ и нынѣ находящейся уже въ печати.

(Окончаніе въ слѣд. №).

Михаиль Евсевіевичъ Головинъ.

В. Бобынинъ. Москва.

(Окончаніе).

Вслѣдствіе исходящихъ иногда отъ директора Академіи Домашнева напомнимъ академикамъ и адъюнктамъ о необходимости исполненія ими § 14 академическаго регламента, требующаго отъ нихъ ежегоднаго представленія записокъ о предполагаемыхъ занятіяхъ на текущій годъ, Головинъ два раза представлялъ такія записки, именно въ 1781 году 29 января и въ 1782 году 8 апрѣля.

Наконецъ, какъ много времени отнимали у Головина работы по составленію и изданію обыкновеннаго календаря можно видѣть изъ того, что въ своемъ извинительномъ письмѣ къ Секретарю онъ указываетъ на нихъ, какъ на причину невозможности для него составить мемуаръ, который онъ долженъ былъ прочесть на своей очередной недѣль, начинающейся съ 26 августа 1784 года.

Обида, нанесенная Головину княгиней Дашковой, была такъ глубока, что, не смотря на стремленіе Академіи къ его удержанію въ своей средѣ, онъ рѣшилъ прервать съ нею почти всѣ отношенія. вмѣстѣ съ упомянутымъ уже выше прошеніемъ о возведеніи его въ званіе профессора въ томъ же засѣданіи 6 февр. 1786 г. отъ него были получены, во-первыхъ, находившійся въ распоряженіи его, какъ составителя Календаря на 1787 годъ, экземпляръ *Connaissance du Temps pour 1787* и, во-вторыхъ, вычисленное имъ уже начало Календаря на 1787 годъ для передачи Румовскому. Отступленіе отъ принятаго рѣшенія онъ допустилъ только въ отношенія изданія сочиненій своего знаменитаго дяди, такъ какъ присоединилъ къ своему только что упомянутому прошенію заявленіе о томъ, что веденіе изданія сочиненій Ломоносова по-прежнему оставляетъ за собою.

Представляясь въ указанномъ сейчасть случаѣ способнымъ принесть дѣло личнаго самолюбія въ жертву уваженію памяти родственника, Головинъ оказывался также и благодарнымъ сыномъ своей далекой сѣверной родины, заботящимся при случаѣ объ ея интересахъ. Такъ въ засѣданіи 1 сент. 1785 г. имъ было представлено отъ имени автора, мѣщанина города Архангельска Василія Крестинина, его сочиненіе „Историческій опытъ о сельскомъ старинномъ домостроительствѣ Двинскаго народа въ сѣверѣ“. Такъ какъ это сочиненіе было продолженіемъ труда того же автора, представленнаго въ засѣданіи 7 янв. 1782 г. адъюнктомъ Озерецковскимъ подъ заглавіемъ „Историческіе Начатки о Двинскомъ народѣ древнихъ, среднихъ, новыхъ и новѣйшихъ временъ“ и затѣмъ напечатаннаго по одобренію и на счетъ Академіи, то Конференція постановила передать это сочиненіе академику Протасову для представленія доклада о немъ директору Академіи княгинѣ Дашковой. Сочиненіе было напечатано Академіей въ томъ же 1785 году, а въ слѣдующемъ 1786 г. 2 октября авторъ его былъ уже избранъ въ члены — корреспонденты Академіи.

Распространеніе грамотности и просвѣщенія въ Россіи составляло предметъ заботъ Императрицы Екатерины II съ самаго начала ея царствованія. По представленному ей по ея желанію проекту академика Эпинуса, взявшаго при его составленіи за образецъ австрійскую учебную систему, элементарныя и среднія школы должны были представлять три послѣдовательно возвышающіеся типа, изъ которыхъ

первый заключалъ въ себѣ начальныя школы, назначенныя для обученія Закону Божию, чтенію, письму и правиламъ четырехъ основныхъ ариѳметическихъ дѣйствій, второй—главныя школы, въ курсъ которыхъ, кромѣ дальнѣйшаго развитія предметовъ начальной школы, входили еще геометрія, механика, архитектура, естествовѣдѣніе, географія, исторія, сельское хозяйство и элементы латинскаго языка, и, наконецъ, третій—нормальныя школы, назначенныя для приготовленія учителей школъ, главнымъ образомъ второго типа, такъ какъ приготовленіе учителей школъ перваго типа предполагалось возложить на школы второго типа. Позднѣе, при осуществленіи проекта Эпинуса на практикѣ, школы перваго типа были названы малыми народными училищами, второго—главными народными училищами и третьяго—учительскими семинаріями или гимназіями.

Въ сентябрѣ 1782 года была учреждена по повелѣнію Императрицы Коммиссія объ учрежденіи училищъ, въ составъ которой вошелъ и академикъ Эпинусъ. Свою дѣятельность эта Коммиссія начала съ устройства главнаго народнаго училища въ Петербургъ и съ учрежденія при немъ учительской семинаріи. Первое должно было служить образцомъ для подобныхъ же учреждений въ другихъ городахъ, а вторая, кромѣ того, и источникомъ снабженія ихъ подготовленными учителями. Петербургское Главное Народное Училище открылось въ іюль 1783 года.

Въ немъ же было организовано и начавшееся съ января 1784 года приготовленіе учителей. Учительская семинарія появилась такимъ образомъ въ началѣ тѣсно соединенною съ Главнымъ Народнымъ Училищемъ. Раздѣленіе ихъ на два самостоятельныя учебныя заведенія послѣдовало только въ іюль 1786 года.

Не находя въ русской учебной литературѣ сочиненій, способныхъ удовлетворить требованіямъ предположенныхъ учебныхъ плановъ, Коммиссія объ учрежденіи училищъ должна была взять на себя также и заботу о составленіи соотвѣствующихъ упомянутымъ требованіямъ сочиненій. Въ числѣ компетентныхъ лицъ, къ содѣйствію которыхъ въ этомъ важномъ дѣлѣ обратилась скоро послѣ своего учрежденія Коммиссія, былъ и Головинъ. Завязавшіяся такимъ образомъ, повидимому еще въ 1783 году, его отношенія къ Коммиссіи имѣли своимъ слѣдствіемъ занятіе имъ по всей вѣроятности немедленно послѣ оставленія Академіи должности преподавателя математики въ Учительской Семинаріи. Вступленіе его въ эту должность въ указанное время, слѣдовательно до отдѣленія Учительской Семинаріи отъ главнаго Народнаго Училища, не должно считаться стоящимъ въ противорѣчій съ его высокимъ образовательномъ цензомъ, такъ какъ и до него тамъ уже былъ преподавателемъ русскаго языка и словесности бывшій профессоръ Московскаго Университета Евгений Сырейчиковъ. Къ тому-же, существованіе указаннаго несоотвѣтствія не было и продолжительнымъ, такъ какъ немедленно послѣ преобразованія Учительской Семинаріи въ самостоятельное учебное заведеніе, то-есть въ томъ же 1786 году, Головинъ уже былъ возведенъ въ званіе ея профессора. Ея поднятіе надъ уровнемъ средней школы выразилось въ разсматриваемое время также и во вступленіи въ число ея преподавателей еще и новыхъ лицъ съ такимъ же образовательнымъ цензомъ, какимъ обладалъ Головинъ. Этими лицами были адъюнкты Академіи класса физическихъ наукъ Василій Зуевъ, занявшій въ Учительской Семинаріи должность преподавателя естественной исторіи, и бывшій прежде адъюнктомъ по предмету Исторіи почетный членъ Академіи Наукъ Гакманнъ, взявшій на себя въ Учительской Семинаріи преподаваніе географіи.

По порученію Коммиссіи объ учрежденіи училищъ, Головинъ составилъ для главныхъ народныхъ училищъ два учебника. Изъ нихъ первымъ вышло въ свѣтъ въ 1786 году „Краткое руководство къ геометріи, издано для народныхъ училищъ Россійской Имперіи по высочайшему повелѣнію царствующія Императрицы Екатерины вторыя“. (Въ Санктпетербургѣ. 8°. 8 + 202 стр. и 6 таблицъ чертежей). Второй вышелъ въ свѣтъ въ 1789 году подъ заглавіемъ: „Краткое руководство къ гражданской Архитектурѣ или зодчеству изданное для народныхъ училищъ Россійской Имперіи по Высочайшему повелѣнію царствующія Императрицы Екатерины Вторыя“. (Въ Санктпетербургѣ. 8°. 6 + 137 стр. и 7 таблицъ чертежей). „Геометрія“ была раздѣлена на три отдѣленія, посвященныя соотвѣтственно „Измѣренію долготъ (Лонгиметріи)“, „Измѣренію поверхностей (Планиметріи)“ и „Измѣренію тѣлъ (Штереометріи)“; „Архитектура“ состояла изъ четырехъ частей, предметами которыхъ соотвѣтственно были: „твердость зданія“, „удобность зданія“, „красота зданія“, „чертежи Архитектурные и строеніе зданія“.

Особенно интересными съ исторической точки зрѣнія представляются въ обоихъ сочиненіяхъ предисловія къ нимъ, какъ занимающіяся вопросомъ о пользѣ соотвѣтствующей науки и излагающія методъ ея преподаванія. Какъ показываетъ самый фактъ изложенія здѣсь этихъ методовъ, они должны разсматриваться какъ принятые Коммиссіею объ учрежденіи училищъ и въ то же время какъ употребляемые по всей вѣроятности въ своемъ преподаваніи и самимъ авторомъ. Методъ преподаванія геометріи въ изложеніи Головина состоялъ съ сохраненіемъ его правописанія въ слѣдующемъ. „Учитель проходя Геометрію по сей книжкѣ долженъ заставлятъ учениковъ прочитывать каждый періодъ; по томъ изъяснить оной, тотъ часъ спрашивать, какъ они изтолкованное поняли, а не подаваться далѣе до тѣхъ поръ, пока большая часть учениковъ не уразумѣли хорошо прочитаннаго. При задачахъ доказательства требующихъ надлежитъ съ начала изтолковать самое предложеніе, по томъ приступить къ доказательству. При чемъ должно напоминать ученикамъ, въ какомъ случаѣ задачу сію въ общежитіи употреблять можно. Если ученикъ сдѣлалъ одну такую задачу, то задавать и больше на ее примѣровъ такихъ, кои можно употребить дѣйствительно въ общежитіи съ пользою. Практическія задачи можно разрѣшать на ровномъ столѣ булавками и нитками, изъ коихъ первыя заступятъ мѣсто кольевъ, а другіе цѣпей; при томъ училище снабдено должно быть упоминаемыми въ сей книжкѣ орудіями, какъ то Астролябією, компасомъ и проч. съ коими учителю вмѣстѣ съ учениками надлежитъ въ лѣтнее время выходить на поле, и тамъ на дѣлѣ показать рѣшеніе практическихъ задачъ, кои въ классахъ, по теоріи или посредствомъ булавокъ и нитокъ разрѣшены были. Если дойдено будетъ до тѣлъ, то должно сдѣлать ихъ изъ толстой бумаги, показать ученикамъ и стараться довести ихъ до того, чтобъ они и сами сдѣлали то же: однимъ словомъ дѣлать все то, что служитъ къ лучшему и легчайшему преподаваемыхъ предметовъ уразумѣнію“.

Съ изложеннымъ методомъ преподаванія геометріи совпадалъ во всемъ существенномъ и методъ преподаванія гражданской архитектуры, какъ это можно видѣтъ изъ слѣдующаго его изложенія, даннаго Головинымъ: „Книга сія опредѣлена для учащихъ въ четвертомъ Классѣ въ народныхъ училищахъ. Учитель заставляетъ учениковъ читать оную по параграфамъ, объясняя имъ напередъ предмѣты, и испытывая при каждомъ же параграфѣ, какъ они изтолкованное поняли. При преподаваніи практической части науки сея, долженъ онъ показывать

способы черченія по геометрическимъ правиламъ, сперва на черной доскѣ, употребляя къ тому циркуль и линѣйку, и заставляя учениковъ повторять тожь самое какъ на черной же доскѣ, такъ и на аспидныхъ, а по томъ приступить уже долженъ къ порядочному черченію вышереченныхъ чертежей и на бумагѣ

При рѣшеніи вопроса о пользѣ, приносимой наукою, Головинъ, какъ представитель русской математической науки XVIII вѣка, стоящей еще на переходѣ отъ донаучнаго періода къ научному, могъ оцѣнивать эту пользу только съ точки зрѣнія интересовъ практической жизни. Такъ онъ, дѣйствительно, и поступаетъ, высказывая при разсмотрѣніи вопроса о пользѣ геометріи слѣдующія соображенія: „Сколько знаніе Геометріи полезно и нужно въ общежитіи, никто спорить не можетъ: Землемѣріе, Архитектура гражданская и военная, Мореплаваніе, Физика, Механика и проч. словомъ всѣ наиполезнѣйшія для людей науки служатъ явнымъ тому доказательствомъ. Самыя искусства и рукодѣлія не мало въ свою пользу отъ ней заимствовать могутъ: такъ живописцу поможетъ она въ исправномъ рисованьѣ; инструментальщику въ дѣланіи вѣрныхъ орудій; столарю и плотнику въ проведеніи прямыхъ и горизонтальныхъ линій, дѣланіи угловъ, и наблюденіи во всемъ надлежащей соразмѣрности; каменщику въ складываніи стѣнъ; самому даже хлѣбопашцу сдѣлаетъ пользу при означеніи межъ въ случаѣ споровъ, при раздѣленіи полей во время посѣва, при строеніи овиновъ, закромовъ и проч.“.

Очевидность практическаго значенія архитектуры позволила Головину ограничить его изображеніе однимъ повтореніемъ общеизвѣстныхъ вещей. „Кромѣ того“, говоритъ онъ, „что цвѣтущее состояніе Архитектуры или Зодчества служило всегда явнымъ доказательствомъ гражданскаго благоустройства и очищеннаго вкуса, какъ у древнихъ, такъ и нынѣшнихъ народовъ, ученіе ея столько нужно и полезно, что нѣтъ нужды разпространяться здѣсь о томъ. Она сберегаетъ насъ отъ зноя лѣтняго, жестокости зимней, ненастья весны и бурь осеннихъ. Укрываетъ индѣ отъ алчности звѣрей и безпокойства гадовъ, доставляя и трудамъ нашимъ покой и самому покою мѣсто“.

Преподавательская дѣятельность Головина была непродолжительна. 8 іюня 1790 года онъ умеръ отъ злокачественной лихорадки. Академія Наукъ была извѣщена объ этомъ въ засѣданіи 20 іюня академикомъ Иноходцовымъ, ограничившимъ свое сообщеніе только очень краткимъ сухимъ перечнемъ положеній, занимаемыхъ Головинымъ въ Академіи въ разные періоды его жизни. Также кратка и суха была состоящая только изъ нѣсколькихъ строкъ некрологическая замѣтка о Головинѣ въ періодическомъ изданіи Академіи Наукъ *Nova Acta Academiae scientiarum Imperialis Petropolitanae* *). Не отличались полнотою и посвященныя Головину замѣтки въ различныхъ энциклопедическихъ изданіяхъ послѣдующаго времени.

Вся недолгая жизнь Головина была посвящена изученію физико-математическихъ наукъ и ихъ распространенію въ отечествѣ какъ черезъ сочиненія и переводы, такъ и устно путемъ преподаванія. Скорѣе и яснѣе, чѣмъ въ чемъ-нибудь другомъ, сказались плоды дѣятельности Головина въ успѣхахъ того высшаго учебнаго заведенія, которому онъ посвятилъ послѣдніе годы своей жизни, то-есть Учительской Семинаріи. Она доставила въ теченіе первыхъ лѣтъ своего

*) Tomus VIII. (Petropoli 1794). Historia ejusdem Academiae ad annum 1790. P. 14.

существованія такого крупнаго для Россіи разсматриваемой эпохи дѣятеля науки, какъ учитель Остроградскаго профессоръ Осиповскій*) и такихъ видныхъ для той же эпохи дѣятелей средней школы, какъ бывшіе въ ней учителями Тимофей Воскресенскій**) и Михаилъ Розинъ***). Къ Головину въ виду кратковременности его жизни вполне можетъ быть приложенъ стихъ его знаменитаго дяди

„Науки юношей питають“.

*) В. В. Бобынинъ. Осиповскій, Тимофей Ѳедоровичъ. Біографическій Словарь, издаваемый Русскимъ Историческимъ Обществомъ. Стр. 384—388.

**) Окончилъ курсъ Учительской Семинаріи въ 1788 году и былъ назначенъ учителемъ математики въ открытое въ 1789 г. Тобольское Главное Народное Училище. Въ началѣ XIX вѣка занималъ ту же должность въ Тульской Гимназіи. Авторъ и переводчикъ многихъ преимущественно беллетристическихъ произведеній, опъ печаталъ ихъ, а также и произносимыя имъ въ Училищѣ рѣчи, въ современныхъ періодическихъ изданіяхъ. Труды его по своей научной специальности были: „Выписка изъ записокъ читанныхъ во французской королевской академіи наукъ о воздушныхъ явленіяхъ 17 іюля 1771 года“. (Иртышъ, превращающійся въ Иппокрену. 1791. 24 мая) „Слово о пользѣ физики, говоренное во время испытанія въ тобольскомъ главномъ народномъ училищѣ 1793 года іюля 12 дня“. (Библіотека ученая, экономическая, нравоучительная, историческая и увеселительная въ пользу и удовольствіе Всякаго званія Читателей. 1793—1794 г. Тобольскъ. УИИ часть. 8°. Стр. 15—37).

***) По окончаніи курса въ Учительской Семинаріи былъ назначенъ лѣтомъ 1786 года учителемъ наукъ математическихъ въ учреждаемое въ Ярославль главное народное училище, при открытіи котораго 22 сентября произнесъ рѣчь, напечатанную въ „Уединенномъ Пошехонцѣ“ (часть И, мѣс. Ноябрь, стр. 655—664). На учено-литературное поприще выступилъ еще въ Петербургѣ помѣщеніемъ въ „Растущемъ Виноградѣ, ежемѣсячномъ сочиненіи, издаваемомъ отъ Главнаго народнаго училища города Святаго Петра“ трехъ слѣдующихъ статей по физикѣ: „О замерзаніи воды и о явленіяхъ при ономъ примѣчаемыхъ“ (мартъ; стр. 75—87); „Физическое наблюденіе“ (іюнь; стр. 46—53); „Изображеніе льда“ (іюль; стр. 83—86). Его трудами, появившимися въ видѣ отдѣльныхъ книгъ, были: „Система міра славнаге Ламберта изданная г. Меріаномъ. Перевелъ съ Французскаго Михаила Розинъ“ (Спб. 1797. 8°. 4 + 255 + 1 стр.) и „Начальныя основанія теоретической и практической Геометріи. Составленныя въ пользу и употребленіе обучающагося юношества Михаиломъ Розинымъ (Спб. 1797. 8°. 12 + 308 + 3 стр. и 8 таблицъ). Этотъ учебникъ составился, по словамъ автора, изъ „объясненій“, даваемыхъ имъ ученикамъ въ теченіе девятилѣтняго преподаванія.